

Центурион

Автор:

Юрий Корчевский

Центурион

Юрий Григорьевич Корчевский

Фельдъегерь #1

Наш современник, Алексей Терёхин, офицер фельдъегерской службы, после катастрофы пассажирского самолёта становится обладателем необычного артефакта, с помощью которого попадает в Древнюю Византию. Благодаря офицерской выучке из наёмника-гоплита он становится трибуном, командиром хилиархии, пройдя через все иерархические ступени армии. За счёт стойкости, личной храбрости и ума Алексею удаётся стать кровным собратом командира армии Остриса и пронести дружбу через века.

Юрий Корчевский

Фельдъегерь. Книга 1. Центурион

Глава 1

Авиакатастрофа

Известное дело: отпуска ждёшь долго, а пролетает он вмиг. Вот и Алексею казалось – только приехал родителей повидать, с друзьями поболтать за рюмкой чая, как уже пора уезжать на службу. А добираться ой как далеко! Сначала самолётом до аэропорта Уктус, что в двадцати километрах от Екатеринбурга,

бывшего Свердловска, потом пяток километров до аэропорта Кольцово, и большим самолётом – до Санкт-Петербурга. Если же машиной до ближайшей железнодорожной станции, а потом – до Екатеринбурга, времени ещё больше потеряешь. Далеко от столицы области его родное Ерёмино, на самом востоке, на границе с Югрой. Зато места красивые, не испорченные цивилизацией. Леса вокруг практически непроходимые, реки, речки и ручьи. Потому рыбалка и охота знатные. Только вот порыбачить всего разок и удалось, каждый день друзья да застолья. Не виделись давно. Сначала учёба в военном училище, потом служба на Северах. И вдруг совершенно неожиданно его полк расформируют. Предлагали службу на Камчатке, но Алексей не стал подписывать контракт. Ему и Северов, где лета практически нет, хватило с лихвой. Но тут один из сокурсников по училищу его к себе в Питер позвал, помог устроиться в Государственную фельдъегерскую службу. Ранее служба входила в структуру ОГПУ-НКВД, а с перестройкой выделилась в отдельную службу. Однако старые связи не нарушились, ту же медкомиссию Алексей проходил в поликлинике МВД.

Конечно, за два года, что Алексей в Питере служил, пообвыкся он с городской жизнью, родное Ерёмино маленьким показалось и скучноватым. Но – родителей повидал, пора и честь знать. Мать всё расспрашивала, не обзавёлся ли он невестой да когда жениться собирается? Только Алексей не торопился. Да, двадцать шесть ему, старший лейтенант, а жилья своего нет. Ну, женится он, а куда молодую жену вести? И так на однокомнатную съёмную квартиру едва ли не половина жалованья уходила, хоть и снимал он жильё не в центре. Девушек в Питере хватало, город студенческий. Общался, не без того, но ни одна в сердце не запала. Да и разве найдёшь жену в ночном клубе?

По громкоговорителю объявили посадку на самолёт – «АН-2» жёлтого цвета стоял недалеко от здания аэровокзала. Впрочем, «аэровокзал» – это слишком громко сказано. Небольшое здание с тёмным залом ожидания, касса и КДЛ наверху, на крыше. Рядом, на флагштоке, болтается полосатый «чулок» ветроуказателя.

Пассажиры с багажом потянулись к самолёту. Ерёмино – типичный сельский аэродром, лучшая пора которого, время, когда рейсы были более регулярными, уже позади. И никакой бетонки или асфальта, грунтовая взлётно-посадочная полоса, укатанная до каменистой плотности. Взлетать с неё и садиться могли только лёгкие самолёты, вроде «старичка» «АН-2». Их и выпускать-то давно прекратили, а замены им не было. В погоне за прибылью многочисленные авиакомпании, расплодившиеся в последнее время, брали в лизинг «Боинги» и

«Аэрбасы», махнув рукой на местные авиалинии: на них много не заработаешь, только головную боль. И удобств в «АН-2» никаких. Скамейки вдоль бортов вместо обычных сидений, туалета нет. А уж трясёт и шумит так, как пассажирам «Боинга» и в страшном сне не привиделось. В общем, комфорт уровня пятидесятих годов прошлого века. Пассажиры вынуждены были мириться – а куда деваться?

Алексей уселся на своё сиденье, поставил между ног спортивную сумку. По прилёте в отпуск подарки родным раздал, и сумка опустела. А сейчас почти полна, матушка домашних гостинцев насовала: пирожков, курицу жареную, баночку варенья.

Последней поднялась по лестнице в самолёт девушка или молодая женщина лет тридцати. Одета она была по-городскому: джинсы, под ветровкой – футболка, сумка через плечо. Вроде симпатичная девчонка, только взгляд слегка высокомерный, даже пренебрежительный.

Она уселась на сиденье напротив Алексея и долго прихорашивалась: то губки подкрасит, то волосы поправит. А потом из сумки планшетник вытащила и вовсе в него уткнулась.

Алексей сразу окрестил её «фифочкой». А впрочем, какое ему до неё дело? Через пару часов лёта он в Уктусе будет.

Бортмеханик втащил лестницу в самолёт и закрыл дверь. Зажужжал стартёр, пару раз чихнул и завёлся мотор. По самолёту пробежала мелкая дрожь. Пилот немного погонял его на разных режимах и вырулил на взлётную полосу. Мотор взревел, фюзеляж затрясло, как в лихорадке, лётчик отпустил тормоза, и самолёт начал разбег. На неровностях взлётно-посадочной полосы его подбрасывало, но после короткого разбега самолёт взмыл в воздух. Рёв моторов был таким, что закладывало уши.

Набрав высоту, самолёт совершил разворот, и Алексей увидел в иллюминаторе взлётную полосу на окраине Ерёмина и сам посёлок, совсем маленький с высоты.

Пассажиры молчали. Попробуй поговори, когда и своего голоса почти не слышно. Сиденья жёсткие, вздремнуть бы.

Алексей посмотрел на часы. Два часа лёта, и он будет в Екатеринбурге.

«Фифочка» напротив сунула планшетник в сумку. Ну да, работать в таком шуме и треске невозможно.

От нечего делать Алексей полуобернулся и стал смотреть в иллюминатор. Внизу проплывали маленькие квадратики полей, отливали серебром реки и речушки, а в основном – зелёным ковром расстилалась без конца и края тайга.

Вскоре от неудобного положения затекла шея. Алексей откинулся на стенку и прикрыл глаза – не пялиться же всё время на «фифочку»?

Внезапно самолёт сильно качнуло. Перекрывая шум мотора, в испуге закричали пассажиры. Однако лётчик справился, выправив машину на ровный горизонт. Алексей ещё удивился: что это за воздушная яма такая, едва не перевернувшая «АН-2»?

Однако не успели пассажиры успокоиться и перевести дух, как двигатель самолёта чихнул, потом ещё, и мимо иллюминаторов из патрубков пошёл чёрный дым. Внезапно наступила тишина, мотор остановился.

Несколько секунд немногочисленные пассажиры недоумённо переглядывались, потом толстая тётка, сидевшая у самой кабины, истошно заорала:

– Падаем!

И как команду «старт» дала. Тут же все закричали, схватились руками за сиденья.

Самолёт начал плавно снижаться.

Биплан «АН-2» был стар и тихоходен, но в отличие от современных самолётов не падал камнем – его способность держаться в воздухе с неработающим двигателем была довольно высока. Самолёт немного рыскал по курсу – вероятно, лётчик высматривал подходящий клочок земли для посадки.

Алексей припал к иллюминатору. Везде был лес, высота уже метров шестьсот, и с каждой минутой она падала.

Пассажиры в салоне впали в истерику, кричали. Все эти вопли действовали на нервы, но Алексей попробовал отключиться и припомнить, как надо действовать в таких случаях. На больших реактивных самолётах рекомендовали пристегнуться и пригнуть голову. Но здесь таких сидений не было, просто лавка вдоль борта.

Он кинул взгляд в иллюминатор: высота уже метров двести, скоро встреча с землёй – какой-то она будет?

Алексей поднялся, сделал пару шагов к хвосту, до которого от его места было рукой подать, улёгся на пол, ногами вперёд по ходу движения, и ухватился руками за крепления сиденья.

Пассажиры замолчали и удивлённо уставились на него.

Колёса самолёта стали цеплять верхушки деревьев, потом царапнуло, зашуршало снизу по обшивке. Затем самолёт потряс сильный толчок и удар.

Неведомая сила приподняла Алексея над полом и попыталась оторвать руки от сиденья, но он удержался. Мгновенно пол и потолок в салоне поменялись местами, раздался треск и хруст металла, жуткий крик, и стало светло.

Наступила неестественная тишина, которая нарушалась лишь журчанием воды. Остро запахло бензином. «Господи, – вдруг понял Алексей, – да это же не вода журчит, а бензин из баков! Надо идти, ползти от самолёта!» Однако всё тело болело, как побитое.

Алексей поднялся на четвереньки, осмотрелся.

Хвост, в котором он находился, лежал в двух десятках метров от фюзеляжа, крылья просто оторвало.

Алексей выпрямился, подвигал руками и ногами. Вроде цел. Ушибы получил, но они до свадьбы заживут, главное – жив.

Он поднялся и, пошатываясь, пошёл к фюзеляжу, разорванному и смятому. Может, там есть ещё живые, может, кому-то надо помочь выбраться, пока самолёт, а вернее, то, что от него осталось, не вспыхнуло.

Тела пассажиров спрессовались у переборки кабины лётчиков.

Сначала Алексей увидел «фифочку». Ухватив её поперёк тела, он выбрался из фюзеляжа, подтащил её к хвосту и опустил на землю. Вернулся к фюзеляжу.

– Ну, этот дядька мёртв, голова почти назад вывернута и вся в крови, – рассуждал он сам с собой, в состоянии сильнейшего нервного стресса совершенно не замечая этого.

Но всё равно он стал вытаскивать всех подряд – потом разберётся, кто жив, кто ранен, а кто погиб.

Пока таскал тела, вымазался в крови.

Освободив салон, он уложил всех пассажиров в рядок и попробовал открыть дверь в пилотскую кабину, но переборка деформировалась, и дверь не открывалась.

Алексей обошёл фюзеляж и заглянул в разбитую кабину. Стёкла от столкновения с землёй повыбивало, кабину сплющило, но вид погибших лётчиков ужаснул Алексея. Ладно, не его дело трупы вытаскивать. Инструмента нет никакого, а голыми руками ничего не сделать. Есть же МЧС, другие службы. Их исчезновение с экранов заметят быстро. А поскольку маршрут известен, их должны обнаружить быстро.

Алексей вернулся к пассажирам. Переходя от одного к другому, проверял пульс, смотрел, есть ли дыхание.

Он уже успел убедиться, что четверо пассажиров точно мертвы, как услышал стон. Слава богу, не он один спасся!

Алексей подошёл к «фифочке» – именно она стонала. Похлопать по щекам? А вдруг у неё тяжёлая травма головы?

У женщины шевельнулись пальцы. Чёрт, чем же ей помочь? Его медицинские познания дальше бинтов на порезы не шли.

Однако «фифочка» открыла глаза, повела вокруг мутным, затуманенным взглядом. Постепенно взгляд приобрёл осмысленность.

– Где я?

– У самолёта. – Алексей был рад услышать её голос.

– А почему лежу?

– Руки, ноги не болят? Или голова?

Женщина пошевелила руками, потом ногами.

– Вроде нет.

Она сделала попытку сесть, и Алексей помог ей, поддерживая под спину.

И тут «фифочка» увидела разбитый самолёт.

– Так мы упали?

– Вроде того.

Она повернула голову и увидела ряд тел, лежащих на земле:

– Они что...

До «фифочки» дошёл смысл увиденного, и она взвизгнула:

– Кто меня рядом с теми положил?

– Я, когда вытаскивал.

- Идиот!

Ну вот и благодарность за спасение, а заодно и новое имя.

Женщина поднялась и стояла, покачиваясь.

Видя, что она уже пришла в себя, Алексей продолжил осматривать тела, но живых больше не было.

Женщина посмотрела вокруг себя:

- А где моя сумка?

- В самолёте. Но я бы не советовал туда ходить. Бензин из баков подтекает, как бы не загорелся.

Не обратив никакого внимания на его слова, женщина медленно пошла к разбитому фюзеляжу самолёта. Неужели ей так дороги вещи?

Она всё-таки разыскала свою сумку, вернулась и достала из неё сотовый телефон.

Алексей подсадовал, что сам не додумался позвонить в МЧС, полицию или ещё куда-нибудь. А впрочем, он был занят, не до звонков было.

Женщина набрала номер, повертела телефон в руках и убрала его:

- Не берёт. Поиск сети.

Алексей по её примеру сходил в разбитый самолёт и отыскал в куче багажа свою сумку. Когда придут спасатели, неизвестно, а там хотя бы пирожки есть, можно будет вечером подкрепиться. Подумав так, Алексей тут же устыдился своих мыслей. Катастрофа произошла, люди погибли, а он о харчах. В свою очередь он попробовал набрать номер, но не получилось, базовая станция далеко. Если только попробовать взобраться повыше? Алексей полез на дерево.

– Эй, парень, ты чего, сбрендил? – крикнула ему вслед женщина.

Он добрался почти до вершины дерева, но и тут телефон не работал.

Вниз спускаться было хуже: ветка под ногой хрустнула, обломилась, и он едва не рухнул на землю, просто чудом удержался. Оказавшись на земле, сам себя мысленно обругал – не хватало только ноги поломать вдали от цивилизации.

Усевшись у хвоста самолёта, Алексей попытался проанализировать ситуацию. Он понимал, что надо набраться терпения и ждать. Где они находятся, он не знал, куда надо идти – тоже. В тайге же можно запросто заблудиться. И потому надо просто дожидаться, когда придёт помощь. Весь вопрос только в том, когда их найдут?

Он улёгся под деревом, подложив под голову сумку, и почувствовал, что земля уже прохладная, тепло из тела тянет. Он достал из сумки ветровку и натянул её на себя. В отпуск он летал в цивильном, форму оставил на квартире. Целыми днями в ней, уже поднадоела. И потом – дома ведь никто не ходит в рабочей спецовке или в водолазном костюме, даже если работа нравится.

Конечно, фельдъегерская служба – не армия. Доставить секретный груз, сдать, получить другой. Фактически – курьер для секретной почты, почтальон с оружием. Что привлекало – так это то, что работа не в офисе, а живая, с привкусом риска и романтики. Вот только времена товарища Нетте уже прошли, на фельдъегерей никто не нападал; выбирали инкассаторов, у них деньги.

К нему подошла женщина:

– Мужчина, ну сделайте же что-нибудь!

– Так я же идиот, указаний жду.

«Фифочка» обиженно поджала губы, отошла к соседнему дереву и уселась под ним, опершись спиной о ствол.

Алексей посмотрел на часы: двенадцать двадцать две. Пока он тела перетаскивал да на дерево лазил, минут сорок пять, а то и час прошёл. Если их

исчезновение заметили, подняли тревогу и начали искать, пройдёт ещё не один час. У спасателей вертолёт, скорость их невелика. По его прикидкам, до Уктуса вертолётном лёту часа два. Да и не факт, что место падения точно засекали. Интересно, на «АН-2» есть какой-нибудь радиомаяк или машина слишком старая, и на неё такие приборы не ставились? По расчётам Алексея, при всех других благоприятных обстоятельствах помощи они дождутся не раньше вечера. А если спасатели начнут облётывать весь маршрут, то и завтра. Надо бы набрать веток, сложить костёр. Если они услышат гул самолёта или поискового вертолёта, можно его зажечь, дымом привлечь к себе внимание. Да и дело хоть какое-то будет, не сидеть же всё время сиднем?

Алексей нашёл ветки, метрах в тридцати от самолёта на небольшом пятачке, свободном от деревьев, сложил костёр – так он будет виден издали и сверху. Какой смысл разводить его под кронами деревьев, не хватает только лес поджечь.

Он работал автоматически, голова была занята мыслями. Ему послезавтра на работу, а сообщить о себе он не может. В аэропорту справку какую-то дать должны, и на службе поймут. Ведь не по пьянке прогулял, уважительная причина.

К нему подошла женщина:

– Погреться костёр?

– Нет, сигнал дымом спасателям подать.

– Вы думаете, нас уже ищут?

– Хотелось бы надеяться. По моим прикидкам, раньше вечера они за нами не прилетят.

– Меня Наташей зовут.

– Ага! Красивое имя, и главное – редкое, – подколот её в ответ на «идиота» Алексей. И тут же представился: – Алексей.

Женщина достала пачку сигарет и зажигалку.

Алексей отреагировал мгновенно:

- Не кури здесь, не хватало ещё самолёт поджечь! Чуешь, бензином пахнет?

Женщина послушно убрала сигареты и зажигалку в сумку.

- И зажигалку побереги, вдруг не один день тут торчать придётся?

- Рядом с мертвяками?

- Сама на их месте могла оказаться.

- Я мёртвых боюсь. - Женщина зябко передёрнула плечами.

- А чего они тебе сделают? Лежат себе и лежат...

Женщина всё время крутилась возле него, видимо, страшно было одной. Да Алексею и самому было не по себе, в такую передрагу он попал в первый раз. Хулиганы ночью на него нападали, под лёд проваливался, в лифте застревал – но там он хоть чётко представлял себе, что должен был делать. А здесь сиди и жди. Лётчиков бы из кабины вытащить, но он опасался. Малейшая искра – и для пилотов крематорий. А они его не заслужили, до последнего боролись за самолёт и пассажиров. Но железяка – она железяка и есть, старая, сломаться могла. Разве они сами на рухляди летать хотели?

Алексей снова улёгся под дерево. Самый лучший способ убить время – спать. Вот он и попытался уснуть. В бытность в военном училище Алексей научился спать в любой обстановке, а сейчас не мог. Только глаза прикроет – снова треск, удар, крики в ушах стоят. Слишком свежи и сильны были впечатления.

Прошло часа три. Спина у Алексея затекла от нахождения в одной позе. Земля – не мягкая перина.

Он встал, походил, прислушался – нигде никаких звуков, похожих на авиамотор, только шум ветра и шелест листьев. Хорошо хоть не зима, за ночь окоченеть от

мороза можно, в их краях морозы такие бывают – деревья лопаются.

Понемногу стало темнеть, солнце клонилось к горизонту. А хуже того – стали собираться тучи.

Алексей подошёл к оторванному хвосту самолёта. Дверца там была, вот она его и интересовала. Там могли быть инструменты – он надеялся открыть дверцу пилотской кабины. Лётчиков вытащить – это само собой, а главное – карту найти, чтобы сориентироваться.

Дверца оказалась вообще не запертой, а за ней – небольшое помещение клином. И всего-то в нём брезентовый чехол для двигателя, пропахший бензином и маслом.

Алексей дверцу вначале закрыть хотел, но потом передумал: вытащив чехол, сложил его вчетверо и бросил на пол. По всему выходит – ночевать им здесь придётся. С боков и верха – от дождя и ветра – стенки фюзеляжа защитят, а снизу от холода брезентовый чехол спасёт, всё не на голом металле лежать.

Алексей подошёл к дереву, расстегнул сумку и достал из неё пакет с домашней снедью.

– Наталья, кушать будешь?

– А разве мы уже на «ты»?

– Извините...

Ну, было бы предложено.

Алексей развернул пакет, и от запаха курицы и домашних пирожков сразу потекли слюнки. Выбрав пирожок поподжаристей, он тут же откусил от него изрядный кусок. М-м-м, с рисом, зелёным луком и яйцом! Вкуснотища!

«Фифочка» поёрзала – видно, и до неё запах дошёл. Однако Алексей второй раз приглашать не собирался – зачем уговаривать? Он съел пирожок, оторвал у курицы ногу.

И тут женщина не выдержала; правду говорят – голод не тётка. Подошла.

– Можно взять? – Она робко показала на пирожок.

– Всё можно, и курицу тоже. Холодильника нет, поэтому надо съесть. Садись.

Ели молча. Алексей за этот несчастливый день успел нагулять аппетит, да и Наталья не отставала. Они съели всё, что мама положила Алексею в сумку.

– Вкусно, – Наталья вздохнула, – наверное, домашнее?

– Матушка постаралась.

– Спасибо. Воды бы сейчас...

– Поищи ручей. Местность низменная, они здесь должны быть.

Пока перекусывали, стемнело. Алексей забрался в хвост самолёта и улёгся на чехол.

Вернулась из леса Наталья. Наверняка она далеко не уходила, боясь заблудиться, по всему видно – городская девушка. Привыкла к цивилизации, корову только на картинках и видела. Будет стоять рядом с водоразборной колонкой и умирать от жажды, не зная, как добыть воду.

Она побродила в темноте у деревьев, а потом испуганно крикнула:

– Алексей, вы где?

– Здесь, – отозвался Алексей.

Наталья подошла на голос.

– Ложись, – Алексей хлопнул ладонью по брезенту. – И мягко, и теплее, чем на земле.

Женщина фыркнула:

- Спать с незнакомым мужчиной? Фи! – и ушла к деревьям.

Ну, своя рука – владыка, была бы честь предложена. Под утро прохладно будет, задубеет, глядишь – ума и прибавится.

Наталья пришла через час, потому что пошёл мелкий нудный дождь. Кроны деревьев какое-то время защищали её, не пропуская воду, но потом с первым же порывом ветра на женщину обрушился целый поток.

Она потопталась у хвоста – улечься сразу гордость не позволяла. Ну так ведь Алексей ничего такого в мыслях и не имел. Сейчас их задача – просто выжить, не заболеть и дожидаться спасателей.

- Чего стоим, кого ждём? Такси до аэропорта?

Наталья вздохнула, пригнулась и шагнула в разорванный хвост.

- Поосторожней с туфлями: здесь всё-таки чисто, нам спать на этом.

Наталья улеглась. Далеко от Алексея – на самом краю чехла.

По дюралевой обшивке стучал дождь.

Алексей поднял голову – ему послышалось какое-то движение.

- Ты чего? – тут же среагировала Наталья.

- Как бы волки не пришли.

- А тут волки бывают? – искренне удивилась она.

- Ты думаешь, они только в сказках? Тут и волки есть, и медведи, и россомахи.

- А оружие у тебя есть?

- Откуда? В аэропорту досматривали. У меня даже ножа нет.

- А если на нас нападут?

- Тебе первую съедят, я жилистый и невкусный. А если серьёзно - волки сейчас сытые, на человека они могут напасть только зимой, когда брюхо от голода подведёт.

Наталья придвинулась к нему поближе и почти прижалась спиной. Алексей обнял её рукой и придвинул к себе вплотную - так теплее.

- Руки убери, чего лапаешь?

Алексей молча убрал руку и повернулся на другой бок. «Точно не замужем, - подумал он о Наталье, - кто такую язву возьмёт?»

Он уснул быстро - сказывалась армейская привычка. Солдат спит - служба идёт.

Под утро почувствовал, что продрог, руки-ноги замёрзли. Только спине было тепло, потому что к ней всем телом прижалась Наталья и уже сама его обнимала.

Алексей хмыкнул. Нет чтобы сразу. Мужчина в тайге один выживет, а женщина в лучшем случае будет плутать в трёх соснах на окраине деревни, а в худшем умрёт от голода или переохлаждения.

Он повернулся на другой бок. Женщина проснулась и отодвинулась от него.

- Ты не кочевряжься, я тебя изнасиловать не собираюсь! Нам выжить надо. Не факт, что за нами пожалуют завтра, то есть сегодня. Дождь не прекращается, и авиация сегодня летать не будет.

- Как? - Наталья от возмущения села.

- А вот так. Спать давай.

Наталья легла, секунду помедлила и прижалась спиной к его груди и животу. У женщин попа – самое холодное место на теле. Согрета она, эта пятая точка, и женщина не мёрзнет. Так уж они устроены.

Однако сон уже не шёл. Было холодно, над лесом опустился туман.

– Ты кем работаешь? – спросила Наталья.

– Фельдъегерем.

– Это как, лес охраняешь?

– Я не егерь, а фельдъегерь. Почту секретную вожу. В Питере служу, после отпуска как раз туда летел.

– А я журналистка, в Москве работаю.

Ну да, столичная штучка.

– Будет теперь о чём писать, если живыми из этой передряги выберемся.

– Ты серьёзно? – Наталья опять уселась.

– Шучу.

Но Алексей не шутил. Перевести дух можно будет только после того, как они попадут в какой-нибудь населённый пункт. Там и связь будет, и еда, и хоть какой-то кров над головой.

В июне такой же «АН-2» взлетел с местного аэродрома с городским гаишником и пропал. Долгое время велись поиски, но за три месяца никого и ничего не нашли. А ведь самолёт – не иголка.

Едва рассвело, он поднялся, взглянул на Наталью. Она куталась в брезент.

Алексей направился к самолёту. Вроде неудобно, на мародёрство похоже, однако он всё же решил осмотреть багаж пассажиров. Не деньги его интересовали, а тёплые вещи и еда. Наталья всю ночь от холода тряслась, да и кушать что-то надо. Водочки бы для согрева, только её найти он не надеялся, при досмотре бы изъяли. Душа не лежала рыться в чужих вещах, как бы потом спасатели в воровстве его не обвинили. Но разумом он понимал – надо. Оружия для охоты нет – даже ножа, стало быть, охота как источник питания отпадает.

Алексей забрался в искорёженный фюзеляж и начал открывать сумки. Это в больших аэропортах сумки и чемоданы заматывают плёнкой, а здесь открыл молнию на сумке – и ищи. Неприятно, конечно, как будто в замочную скважину за соседями подглядывает.

Алексей аккуратно осмотрел первую сумку, но ничего путного не обнаружил. Так же всё уложил, застегнул молнию. Отщелкнул оба замка на чемодане, явно выдавшем виды, нашёл свитер грубой вязки, толстый – по размеру должен Наталье подойти.

– Наталья, иди сюда.

Женщина подошла, ёжась от утренней прохлады.

– Примерь.

– Ты что, по чужим вещам шаришь? Мародёр!

– Я же не для себя, для тебя... Снова хочешь мёрзнуть?

– Ни за что не надену! – Она развернулась и пошла к хвосту самолёта.

Ну вот, хотел как лучше, а получилось, как всегда. Всё-таки премьер Черномырдин был неиссякаемым источником перлов, пошедших в народ.

Свитер он отложил в сторону. Одумается к вечеру Наталья, наденет.

Ещё в одной сумке лежали бухгалтерские бумаги, женское бельё – он уложил всё назад.

А вот следующий чемодан порадовал: он был битком набит слегка посоленной и завёрнутой в промасленную бумагу рыбой. Да не какой-нибудь, а чавычей. Хороша рыбка! Такую приготовить к столу – царское угощение! Только покоптить бы её. Но если на костре испечь, тоже неплохо будет. И, что для них сейчас важно, она не испортится неделю-две. Конечно, столько оставаться у самолёта он не собирался, но знать, что есть стратегический запас, полезно, да и уверенность внушает.

Дальше искать он не стал. На часах и так уже восемь, а он пока костёр разведёт да рыбу пожарит – дай бог в десять позавтракать. Тушки были потрошёные и все одинакового размера, в локоть. Алексей выбрал две и понёс их к веткам для костра. Заодно захватил газетный лист, который валялся в салоне. Бумага вспыхнула быстро, ветки и сучья чадили, но понемногу разгорелись. Дымили сначала сильно.

Тем временем Алексей насадил рыбу на прутики. Шампуры бы, да где же их взять?

Ветки прогорели быстро, а сучья ещё горели.

Алексей сбегал в лес, наломал от сухостоин веток и подбросил в костёр. Эх, топорик бы сюда – хоть маленький, туристический!

Потом он жарил рыбу. Воткнув две рогулины в землю, вертел рыбу над огнём.

Через десять минут по округе пошёл просто восхитительный запах. Или он так сильно хотел есть?

Наталья выглянула из своего убежища, потянула носом, потом подошла.

– Это что?

– Чавыча. Сейчас дожарю, завтракать будем.

– Кофейку бы с круассанами. – Наталья потянулась.

- Перебьёшься. А не хочешь, так я и сам съем.

Есть в одиночку Алексей, конечно же, не собирался. Он мужчина, добытчик, должен о семье заботиться. Наталья не семья, но в их теперешнем положении он единственный кормилец.

Когда Алексей решил, что рыба готова, он уложил её на лист лопуха и, слегка фиглярничая, изобразил из себя официанта столичного ресторана:

- Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Наталья протянула руку к рыбе, но тут же была остановлена его возгласом:

- А руки мыла? Нам только дизентерии не хватает.

- Мыла всё равно нет. - Она пожала плечами. - Подожди-ка, ведь ручей недалеко.

Торопиться было некуда. Всё равно рыба только с огня, горячая - в рот не возьмёшь.

Они оба прошли к ручью, умылись.

Когда уселись за импровизированный «стол» и приступили к завтраку, Алексею показалось, что вкуснее рыбы он в жизни не ел. Да и Наталья уписывала рыбу за обе щёки. Костей в ней было мало, мясо красное, как у лосося. Ужарилась, конечно, но в желудке появилось приятное ощущение сытости.

- Ох и вкусная! Никакое суши не сравнится!

- Где ты только слов таких набралась? Не русская это еда, глисты от неё.

- Фу, от тебя только гадости услышишь.

- А от тебя спасибо не дождёшься!

Наталья слегка покраснела. Надо же, журналистка, по определению циник, да ещё столичная штучка... На Лёхин взгляд, в обеих столицах стыдиться разучились. Нагловаты, нахраписты, считают себя пупом земли, а за Кольцевой дорогой – ну глухая провинция.

Наевшись, Алексей улёгся на брезент. Всё равно делать нечего, хоть как-то время скоротать.

Тучи понемногу разнесло ветром, показалось солнце и стало теплее.

Наталья побродила и уселась рядом.

– Расскажи о себе.

– Терехин Алексей Иванович, двадцать шесть лет, не женат, квартиры нет – снимаю. Что ещё интересует?

– Ты прямо как в отделе кадров! Подвинься, – Наталья улеглась рядом.

Незаметно оба уснули – ведь из-за сырости и утренней прохлады вынуждены были подняться рано. Сибирь – не благословенные Сочи.

Через пару часов одновременно проснулись.

– Давай, Наталья, ветки собирать для костра. Видишь, тучи разошлись, нас могут с воздуха искать. Сигнал подадим.

Они набрали большую кучу валежника, что было совсем несложно. Ведь лес – не городской парк, полно упавших деревьев, сухостоя.

Алексей даже на фюзеляж взобрался, повыше, чтобы издалека увидеть вертолёт. Но за всё время только один реактивный самолёт прошёл, и очень высоко, оставив за собой след. С такой высоты их и не разглядишь. Видимо, место катастрофы находилось вдали от воздушных коридоров и трасс.

Когда стало понятно, что день склоняется к вечеру, Алексей запалил костёр и пожарил рыбу. Это было их спасением от голода.

Быстро стемнело, и они улеглись спать. Наталья уснула быстро, а Алексею не спалось. Уже второй день прошёл, а поисковых действий он не видел. Или их самолёт отклонился от курса? Всё-таки двигатель был неисправен, и лётчик, подыскивая подходящую площадку для посадки, мог уклониться в сторону от маршрута. Наверняка их ищут, но не здесь. И сколько же им ждать помощи? Может быть, попробовать с утра забраться в кабину пилота и взять карту? Свердловская область – это не Ханты-Мансийский округ или Таймыр, селения здесь нередки. Хотя бы до любой дороги добраться. Вот только где она, в какой стороне? Не зная, можно идти параллельно, выбиваясь из сил.

Для себя Алексей решил сделать завтра попытку достать карту, и, если помощи не будет, выбираться самим. Вариант не самый лучший. Если с воздуха обнаружить разбитый самолёт ещё можно, то их двоих в тайге, под покровом деревьев сверху не увидят. Уйдут они, а тут вскорости и самолёт могут найти.

Он прикидывал и так и эдак, с тем и уснул.

Утром умылись, Алексей развёл костёр, пожарил рыбу. После завтрака начал искать инструмент вроде жерди – отогнуть дверь пилотской кабины или часть остекления на фонаре.

Не скоро, но он нашёл подходящее сломанное деревце. Ногой поотбивал сухие ветки. Попробовал получившейся жердью, запустив её в щель между переборкой и дверью, открыть её, но как ни налегал, дверь не открывалась.

Выбравшись из фюзеляжа, он подошёл к пилотской кабине. Здесь начало получаться. Самих стёкол не было, но дюралевая рамка, деформированная от удара, мешала проникнуть внутрь кабины.

Жердью удалось отогнуть рамку. Целиком туда было не пролезть, но забраться поглубже рукой можно было. Видел Алексей планшет, но, как говорится, видит око, да зуб неймёт.

Он нашёл другой способ: просунул в кабину две ветки, как клещами, подцепил ими планшет и вытянул его из кабины. Усевшись тут же, развернул его.

Карта была – но масштаб! Предназначена она была для самолёта, с его скоростью, такая даже для автомобиля не очень подойдёт.

Он попробовал определиться, где север, где юг. В лесу это просто: часть дерева, обращённая к югу, имеет более густую крону.

Алексей встал лицом на север, всмотрелся в карту. Карандашом на ней был нанесён маршрут. Летели они около часа, «АН-2» за это время преодолевает... С какой же скоростью он мог лететь? Предположим, километров двести в час, плюс-минус пятьдесят. Тогда точка падения приблизительно... он повёл пальцами... вот тут! На карте в этом месте сплошная зелень, то есть лес, и никаких населённых пунктов. Есть какое-то село километрах в сорока. С Натальей, да по лесу, да без компаса – верных два дня пути, как не больше.

Он не услышал, как сзади подошла девушка.

– Ты с кем разговариваешь?

Алексей и не заметил, что рассуждал вслух.

– Ой, у тебя карта? Ура! Значит, мы будем выбираться сами?

– Подождём до вечера. Если нас искать не будут, завтра пойдём сами.

– Правильно, мы тут до зимы сидеть можем; уж лучше идти.

Алексей посмотрел на обувь Натальи. Кто бы говорил о походе! На её ногах были туфли на небольшом каблучке. В них по лесу и километра не пройдёшь. Или каблук сломается, или ногу подвернёшь. Тогда на себе нести придётся, что Алексею совсем не нравилось. Это на карте по прямой километров сорок. А если болотце на пути встретят или завал леса, обходить придётся, и расстояние вдвое увеличится.

Наталья перехватила взгляд Алексея.

– Обувь у тебя для похода неподходящая, в такой далеко не уйдёшь.

- Чем плохо? Нигде не трёт.

- Каблуки в почву проваливаться будут. Лучше бы кроссовки. Поищи в багаже у пассажиров.

- Ну - нет, я лучше босиком.

- До первой еловой шишки. Наступишь неосторожно, ступню поранишь, а у нас даже бинта нет.

Ну «фифочка», что бы ни сказал, всему противится. Он бы её проучил. Пусть на каблучках идёт, но потом ему же хуже будет, на себе нести придётся.

К вечеру Алексей развёл костёр, нажарил рыбы, и они поужинали.

Более подходящую для пешего перехода обувь Наталья так и не стала искать. Пусть её!

Утром Алексей снова развёл костёр, и снова на завтрак была рыба. За три дня он наелся рыбы на целый год. В свою сумку он положил четыре оставшиеся сырые рыбины - по крайней мере, два дня с голоду они не умрут.

От трупов уже начинало попахивать, и по-любому надо было уходить. Хоть и прохладно по ночам, но днём ещё пригревало.

Алексей развернул чехол, на котором они спали, и накрыл тела. Все укрыть не получилось, но всё же. Конечно, чехол бы им с собой взять, на ночь под себя подстелить, да больно тяжёл он, и объём изрядный. Только намучаешься с ним.

Алексей взглянул на Наталью:

- Готова?

- Сумку свою взяла, а больше у меня ничего нет.

- Тогда идём.

Направление Алексей знал приблизительно. Чем ближе к жилью, тем больше шансов встретить людей: грибников, охотников, лесорубов – даже и городских, выехавших по ягоды. В лесах полно ягод – черники, брусники, костяники, только собирай, не ленись.

Они пошли по лесу. Наталья попыталась закурить, но Алексей тут же пресёк её:

– Брось, не на прогулке, дышалки не хватит.

Однако упрямая девица продолжила курить.

– Алексей, ты молодой, а такой зануда! Только указания даёшь.

– Для твоей же пользы.

Алексей рассчитывал до вечера пройти как можно дальше, не хотелось ему в лесу на голой земле ночевать.

Он шёл ровным шагом и дышал, как в училищах учили, на маршах. Наталья же через километр спотыкаться начала, отставать. Ему приходилось останавливаться и ждать её. Эти остановки его раздражали.

– Наталья, прибавь ходу, так мы до зимы не придём.

– Тебе хорошо говорить, ты сильный, ты мужчина. Хоть бы сумку мою взял.

Алексей чертыхнулся про себя, но сумку всё же взял. С двумя сумками идти было неудобно, обе руки заняты.

Через час он объявил привал. Достав из своей сумки запасную футболку, надел на себя. Остальное – вроде бритвы и белья – выкинул. Открыл сумку Натальи. Господи, что женщины только с собой не носят! И притом – ничего путного, половина сумки – косметика, духи, бельё. Он зашвырнул сумку в кусты.

– Ты чего? Там косметики на тыщу баксов!

- Лишний вес. Хочешь, неси сама.

Наталья залезла в кусты, вытащила сумку и стала перебирать духи, помаду и прочие маленькие женские радости. Выматерившись, как боцман на корабле, она тоже забросила сумку в кусты.

Алексей удивился. Такого забористого, такого витиеватого мата он не слышал даже в мужских компаниях.

- Не знал, что ты такой виртуоз!

Наталья бросила на него испепеляющий взгляд. Да он-то здесь при чём? Сначала купила кучу дорогущей косметики, взяла её с собой в самолёт, а теперь нести не хочет. Только вот тратить время на несущественные, по его понятиям, безделушки было излишним. Поход по тайге и так забирал много сил.

Ещё через пару часов хода Наталья уселась на землю, сбросила обувь и расплакалась.

- Что случилось?

- Туфли! Я, кажется, ногу подвернула.

Да что это за наказание! Ведь говорил же он ей!

Алексей присел перед Натальей и ощупал её лодыжку. Перелома точно нет. Он поднял с земли её туфли, поднатужился, оторвал один каблук, потом другой. Протянул искорёженные туфли Наталье:

- Обувай!

- На кого я буду в них похожа? И как пойду? Я на каблуках привыкла.

- Отвыкнешь, - отрезал Алексей.

Он искренне недоумевал. Неужели она не понимает всей серьезности ситуации? О косметике сожалеет, об испорченных туфлях? Ему и ей неслыханно повезло, что в живых остались. И сейчас ещё неясно, выберутся ли они из передрыги, и с какими для себя потерями и последствиями.

Наталья успокоилась, передохнула, и они пошли дальше.

Ещё через пару часов она бессильно упала на мох.

– Всё, не могу больше, сил нет.

– Даю десять минут на отдых. Ты ноги на дерево задери, так отойдут быстрее, – и сам, подняв ноги, оперся ими о ствол дерева.

Когда время для отдыха, назначенное им, прошло, Алексей демонстративно посмотрел на часы:

– Подъём!

Наталья едва поднялась.

– Ой, мамочки, ноги болят!

– Пешком ходить больше надо. Небось привыкла в столице на метро да на машинах. Может, покурить хочется? – подколот он её.

Девушка не ответила.

Шли медленно, но всё-таки продвигались вперёд.

Когда деревья стали отбрасывать длинные тени, а воздух посвежел, Алексей стал подыскивать место для ночлега. Решил устроиться на ночлег под ёлкой, на опавших иголках. Там сухо, и в случае дождя они не промокнут.

Наталья свалилась без сил.

Пока не стемнело, Алексей набрал веток для костра, развёл его и пожарил рыбу. Съели по рыбине.

Алексей улёгся рядом с девушкой. После еды она моментом уснула, а он прикидывал, сколько они за день прошли. Получалось немного, километров двадцать. Завтра столько не пройдут, с непривычки у Натальи все мышцы болеть будут, хорошо, если к обеду разойдётся.

Утром Алексей собрал веток, разжёл костёр и приготовил рыбу. Кстати, последнюю. А Наталья всё спала.

– Вставай, лежебока, нас ждут великие дела! – пошутил Алексей.

Наталья проснулась, с трудом села, заохала:

– Ой, все мышцы ноют. А давай сегодня не пойдём, устроим отдых?

– У нас две последние рыбины, на ужин есть уже нечего. Если отдыхать будем, завтра сил не будет. Вставай, разомнись.

Алексей уселся есть. Наталья стонала и кряхтела, как старушонка, но всё-таки поднялась, поела.

– Идём.

Первые пару километров девушка шла медленно, и Алексей её не торопил. Потом всё-таки разошлась. Привала Алексей не делал, пока Наталья сама не рухнула без сил. Ладно, пусть полежит, хотя времени всего двенадцать часов, полдень. Солнце стоит высоко, тепло.

Через полчаса он поднял её насильно.

– Не пойду, – начала вяло сопротивляться она, – брось меня здесь.

– Ага, будет чем волкам перекусить. Идём!

– Я тебя просто ненавижу!

– Как доберёмся до первого села, сразу же расстаёмся. Я ведь тебе не муж.

Они снова пошли. Временами Алексей брал её за руку и просто тащил за собой, как буксир баржу. Однако к вечеру выдохся и он. Вот ведь обуза навязалась на его шею! И не бросишь в тайге.

Ночевали они под елью. Хотелось есть, но кушать было нечего.

Наталья спала мертвецким сном.

Утром и у Алексея поднывали мышцы ног – за отпуск совсем растренировался. Он встал первым, нашёл неподалёку ручей, умылся и напился вкуснейшей воды.

Вернувшись к месту ночёвки, заглянул под ель:

– Вставай, засоня!

– Не могу, – не открывая глаз, измученным голосом сказала девушка.

– Если я не ошибся с направлением, к вечеру мы должны выйти к селу.

– Не могу, – повторила Наталья. – Иди один, потом вернёшься. Скажем, на лошади с телегой.

– Ты думаешь, я тебя смогу найти? В ста метрах пройду мимо и не увижу. Это тайга, а не Лосиноостровский парк.

Он за руки поднял девушку.

– Вон там ручей. Пойди умойся и попей. Рыбы нет.

Они снова двинулись в путь.

Через час вышли на полянку, усеянную черникой.

- Всё, привал. Завтракать будем.

- Чем? Сам же сказал - рыбы нет.

- Под ноги посмотри, по чернике идёшь.

Они принялись за ягоды. Вскоре губы, язык и руки стали чёрными, но наелись они до отвала. Однако ягоды - не рыба: желудок полон, а есть всё равно охота.

Наталья, увидев Алексея, захохотала:

- Ой, не могу! Уморил!

- А ты на себя посмотри, думаешь, ты лучше?

- Зеркальца нет, - Наталья вздохнула.

Они шли до вечера, но уже не в прежнем темпе. Алексей поглядывал по сторонам - должны же быть хоть какие-то признаки близкого жилья. Тропинки, лесные дороги, вырубки леса, пустые банки, бутылки, пачки из-под сигарет... Ничего! Никаких признаков обжитых мест.

Когда начало темнеть, Алексей выбрал место посуше. Елей не было, только лиственный лес вокруг. Одежда на обоих была пыльной, но это уже никого не волновало.

Наталья прижалась к Алексею:

- Лёш, как ты думаешь, мы выйдем?

- Должны, только духом падать не надо. Уныние - грех.

- Ты верующий, что ли?

- Крещён. Иногда захожу в церковь, но редко.

– Я тоже. Есть охота!

– Давай не будем о еде. Спать надо.

Утром они проснулись от холода. Над лесом стоял лёгкий туман, было промозгло.

Алексей поднялся и, разгоняя кровь, сделал несколько приседаний. Наталья тоже попыталась согреться, попрыгала, подвигала руками. Ни еды, ни воды не было, и Алексей пожалел, что не взял из самолёта пустую пластиковую бутылочку – хоть бы в ручье воды набрали.

– Идём, нам пора. Уже семь часов.

– Я в Москве в это время ещё сладко спала, – мечтательно сказала Наталья. – В тёплой и мягкой постели, под одеялом.

– И одеяло, и постель ещё будут, только идти надо.

Через час туман рассеялся, проглянуло солнце и стало теплее. Да и на ходу разогрелись.

Через пару часов вышли к опушке. Лес не кончился, просто впереди была огромная, с большое поле, прогалина. Дальше снова были видны деревья.

– Всё, привал, отдохнуть надо.

Наталья уселась на землю, где стояла. Алексей улёгся, задрал ноги на ствол дерева.

– Ой, люди! – вдруг вскрикнула Наталья и рывком вскочила.

Алексей только и успел схватить её за лодыжку, но удержать девушку ему не удалось. Она вырвалась и помчалась через луговину.

И откуда только они взялись!

Алексей перевернулся на живот, всмотрелся. С другой стороны леса и впрямь вышли трое мужиков. Эх, зря она побежала!

Служба приучила Алексея к осторожности. Вышел из подъезда – осмотрись, нет ли поблизости опасного субъекта. А в лесу ведь не только грибники-ягодники встречаются. Поблизости от населённых пунктов и бомжей можно встретить, и эков беглых, что в Сибири случается, тут ведь со сталинских времён лагерей полно. Часть из них после прихода к власти Хрущёва закрылась, но далеко не все.

Привычно сориентировавшись, Алексей прикинул расстояние: далековато до людей, метров двести. Деталей одежды не разглядеть, но явно не спасатели и не военные. Телогрейки на мужчинах серого цвета, такие же брюки и сапоги. Обувь для леса самая подходящая – ни клещ, ни змея не укусит. Кто же это? Если лесорубы, так бензопилы в руках не видно, а вот оружие у одного за спиной есть, ствол поблёскивает.

Алексей колебался – выйти из леса или погодить? Дорогу к селу или деревне узнать надо. Только большой вопрос – нужны ли мужикам свидетели? Он решил повременить, приглядеться. И так уже ясно – где-то недалеко населённый пункт. Открыв лётный планшет, он изучил карту. Вроде похожий изгиб леса есть, и деревня недалеко, километрах в пяти.

Наталья добежала до мужиков и стала что-то говорить, размахивая руками. Ну да, про падение самолёта рассказывает, надо же ужасами и пережитым поделиться.

Но вот мужики Алексею явно не понравились. Они озирались по сторонам, вроде как опасались чего-то – деревенские так не делают. В сердце закралась тревога.

Наталья разговаривала с мужиками минут десять. Потом один схватил её за локоть, и все направились вдоль опушки. И, насколько Алексей мог судить по карте, совсем не в сторону деревни. Интересно, куда они направлялись? А главное – сказала Наталья про него или не успела? У женщин секреты не держатся. Конечно, особого секрета в том, что их двое, нет, но сейчас ему бы не хотелось, чтобы неизвестные знали о нём, о его присутствии неподалёку.

Раздался слабый вскрик Натальи – это один из мужиков вlepил ей пощёчину, чтобы не упиралась. Господи, вот дура-то! Зачем помчалась, не спросясь? Понятно, что он ей не муж, не отец, не начальник, но осторожность никогда не помешает. И что теперь делать? Бежать в село или идти за мужиками? У них ствол, поэтому держаться надо осторожно. Приблизиться – это да, но так, чтобы его не обнаружили.

Алексей оставил сумку там, где лежал: потом заберёт, а сейчас она только мешать ему будет, и не выходя из-за деревьев, он пошёл параллельно чужакам, которые всё так же тащили Наталью за руку. Она оборачивалась и глядела в его сторону, явно рассчитывая на помощь. Не сейчас, Наталья, не сейчас! Переть по луговине на ствол может либо беспечный человек, либо совсем уж дурак, а ни к первым, ни ко вторым он себя не относил. Вот только оглядывается она зря, подозрения на свою голову накличет.

Луговина становилась всё уже, деревья с двух сторон сходились, и группа чужаков приближалась. Уже были слышны голоса, слов только не разобрать.

Мужики шли явно целенаправленно. Вот они вошли в лес и исчезли из виду.

Алексей, стараясь не наступать на сучья, побежал. Как бы не упустить их из виду!

Впереди, в полусотне метров, показалась ярко-красная ветровка Натальи. Алексей спрятался за ствол дерева.

А группа впереди шла, не таясь, разговаривая во весь голос. Хрустели ветки и сучья под ногами.

Метров через двести стало понятно, куда они шли.

Среди деревьев стояла маленькая избушка – охотничья заимка. С дверью, подпёртой жердью от зверя, но без окон. Прихватит зимой буран охотника – тут укрыться, переждать можно. В Сибири встречались такие, переночевать мог каждый. В таких охотничьих избушках всегда был небольшой запас еды – круп, соли, даже с десятков патронов. И дрова для печки. Но действовал здесь неписанный закон: попользовался – сохрани прежний порядок, и из своих запасов оставь что-нибудь. Хоть банку консервов, хоть спички или патроны – кому-то это

может спасти жизнь.

Похоже, мужики про избёнку знали и пользовались ею не раз. Откинув жердь, они вошли, бросив дверь открытой – иначе в избушке без окон темно. До Алексея донеслись обрывки какого-то разговора, потом раздался мужской хохот. Вот влипла девка! В лучшем случае изнасилуют, а в худшем – ещё и убьют. Даже закапывать не будут, оттащат тело подальше и бросят в промоину. За зиму сгниёт так, что и не опознать потом.

Надо выручать девку. Но он не Рэмбо, чтобы с голыми руками врываться в избу. У них ружьё, и он об этом помнил. Да и не факт, что у других оружия нет, без ножей в тайгу не ходят. Надо выждать и устранить их поодиночке. Убивать мужиков Алексей не предполагал. Оглушить, связать, забрать оружие и освободить Наталью – вот его план. То, что компания не из добрых, он уже понял.

Послышался звук ударов и крик Натальи. Ну да, тянуть не стали, сразу к делу приступили. Вот не повезло ему с напарницей!

Нет бы вместо неё мужик в живых остался, лучше – лётчик. Но выбирать не приходилось.

Из избы вышел мужик. Спереди чужака Алексей видел в первый раз, и сердце тревожно ёкнуло и оборвалось куда-то в пустоту – да он зэк! Вероятно, и все остальные тоже. Спереди, на груди, на телогрейке, у него была пришита белая полоска с надписью: первый отряд, и ещё что-то, издали не разглядеть.

Зэк зашёл за избу с явным намерением облегчиться и уже расстегнул брюки. Самый удобный момент! Плохо только, что зэк остановился рядом с избой.

Алексей зашёл сбоку и подкрался вдоль стены – ни одна сухая веточка под ногой не хрустнула, и сделал шаг, оказавшись сзади зэка. Но тот звериным чутьём почуял постороннего и начал поворачивать голову в сторону Алексея. Однако тот схватил его за подбородок и затылок и резко крутанул, как учили в армии.

Раздался хруст позвонков, тело обмякло. Алексей едва успел подхватить его и осторожно положить на землю – шум падения тела ни к чему.

План его только начал осуществляться, а всё уже пошло не так. Убивать он никого не собирался, а один труп уже есть. Чёрт! Теперь не хватает только самому в тюрьму сесть. Убийства как такового он не испугался, в полуобморочное состояние не впал. И если отбросить ложную стыдливость, то надо честно признать, что в военных училищах готовят профессиональных убийц. Да, они служат Родине, готовясь защищать её от врагов. Но при вражеском нашествии надо убивать, без этого – никак. Война и боевые действия в белых перчатках не ведутся.

Алексей по-быстрому обыскал зэка, обнаружив у него в кармане нож-выкидуху – типично зэковское изделие. Теперь дороги назад нет.

В избе отчаянно закричала Наталья. Надо решаться.

Алексей стянул с убитого телогрейку, надел её на себя, на голову нацепил кепку. В первые секунды хватит, чтобы врага с толку сбить. А то, что в избе враги, он уже не сомневался. Нажал на кнопку на рукояти ножа – со щелчком выдвинулось лезвие. Он взял нож обратным хватом в руку, прижав лезвие к рукаву – так его почти не видно, и, не таясь, стуча ботинками, направился к двери.

В полумраке избы было видно, что один из мужиков держит Наталью за руки, а второй лежит на ней, пытаясь раздвинуть ей ноги. Который стоит – опаснее. Невдалеке на полу лежало ружьё.

Алексей прыгнул к нему и ударил ножом в шею. Лезвие ножа было коротким, не армейский штык, и через телогрейку до сердца может не достать. Зэк выпучил глаза, схватился за шею, откуда фонтаном била кровь, и завалился на топчан – на третьего, последнего, зэка и Наталью.

Те вначале не поняли, что произошло, уж очень неожиданно всё случилось. Наталья мазнула ладонью по лицу, разглядела кровь и завизжала.

Зэк, лежавший на ней, сполз в сторону. Только теперь он понял, что рядом не свой, а чужой, но предпринять уже ничего не успел. Да и что он мог, если брюки до конца спущены?

Алексей сделал шаг назад, где лежало ружьё, взял его в руки, переломил. В патроннике тускло блеснул патрон. Ижевская курковая одностволка «ИЖ-17», старенькая, с вытертым воронением, но хорошим боем.

Он закрыл ствол.

– Вставай, пададь, одевайся.

Зэк сполз на пол с топчана, встал, подтянул штаны и застегнул их на пуговицу. Откуда он достал нож, Алексей не заметил, скорее всего – из рукава. Увидел только, как дёрнулась рука у зэка, успел отклониться в сторону, да и то едва. Бок обожгло болью. Зэк повернулся и прыгнул в дверь.

Большим пальцем руки Алексей взвёл курок, вскинул ружьё и выстрелил ему в спину. Дробь в патроне была или картечь, но телогрейку на спине зэка изрешетило.

Звук выстрела в маленькой избе просто оглушил – до звона в ушах. Потянуло запахом пороха.

Зэк вывалился из избы и упал – после такого попадания с трёх метров в живых не остаются.

Слева раздался шорох. Алексей резко повернулся, но это Наталья пыталась выбраться из-под убитого зэка. Алексей рванул труп за руку, и тело мешком свалилось на пол.

Наталья какими-то безумными глазами осмотрела избу, трупы:

– Ты... ты... их убил?

– А что мне оставалось? – вопросом на вопрос ответил Алексей. – Это же беглые заключённые, если ты до сих пор не поняла. Натешились бы с тобой вволю и придушили. Таким свидетели не нужны.

Он обратил внимание, что лицо Натальи украшал синяк и левый глаз заплывал.

По коже слева потекло что-то тёплое. Алексей положил ружьё на стол, присел на лавку, завернул ветровку и рубашку. Нож прошёл вскользь, распоров кожу.

- Ой, да ты ранен?

- Не смертельно, успокойся. Лучше бинт поищи и зелёнку.

Он, правда, сомневался, что в избе найдутся перевязочные средства.

Наталья вскочила и едва не упала, запнувшись о труп. Джинсы на ней были расстёгнуты и приспущены. Смутившись, она подтянула их, вжикнула молнией. Вовремя Алексей подоспел.

Бинт в стерильной бумажной упаковке нашёлся, а вот зелёнки или йода не оказалось.

Наталья принялась за перевязку. Делала она это неумело, но старалась.

Когда закончила, Алексей спросил:

- Ты почему к ним побежала, я же тебя за ногу пытался ухватить, остановить?

- Людей увидела, думала - местные, помогут. У! - Она пнула труп ногой.

- Ну да, в мёртвого льва каждый плюнуть может, уже не страшен.

Алексей сел на лавку. Нахлынула усталость, даже какая-то апатия. Как ни крути, убийство трёх человек. Суд, срок и тюрьма - вот что у него впереди. И всё из-за этой московской «фифочки»! Только вот не в его правилах было сидеть сложа руки и ждать, чем всё закончится.

Наталья ходила по маленькой избе, заламывая руки.

Алексей поднялся:

- Где-то рядом должен быть ручей – избу далеко от воды не поставят. Пойди, найди и принеси в ведре воды, пол замыть надо.

Наталья кивнула и вышла. Она была испугана и подавлена. Её необдуманные действия привели к трагедии, и она чувствовала себя виноватой.

Алексей отправился осматривать местность поблизости – он решил вытащить и спрятать трупы. Если их найдут и выйдут на него, стало быть, не судьба. Ну а коли сгнут и следствие не определит виновного, так тому и быть. Идти самому с повинной в полицию или в прокуратуру было выше его сил.

Он описывал вокруг избы всё расширяющиеся концентрические круги, пока наконец не нашёл подходящее место – небольшой узкий овражек, скорее промоину от талых вод. Не мешкая, вернулся к избе, ухватил за ноги первого, убитого им, что лежал около избы, оттащил к промоине и сбросил туда. Следом решил убрать того, что в избе, потому что Наталья ручей нашла и стояла с ведром воды у избушки, не решаясь войти.

Он выволок убитого зэка за воротник телогрейки и потащил. На середине пути решил передохнуть, перевести дух. Поворачиваясь, чтобы присесть, Алексей ботинком зацепился за край телогрейки, причём обо что-то твёрдое. Он залез в карман телогрейки и вытащил пистолет – старенький, потёртый «ТТ», ещё довоенного выпуска. Отщёлкнул магазин – там было четыре патрона. Да где же он его взял? Такие не выпускают уже лет шестьдесят!

Алексей положил оружие в карман телогрейки и теперь уже обыскал все карманы – уж больно находка интересная. Однако ничего, кроме расчёски, не обнаружил. Хорошо, что он ударил зэка первым. Успеет бандит опередить его, сейчас бы не он, Алексей, тащил его к промоине, а наоборот...

Когда он вернулся к избушке за последним телом, Наталья уже мыла полы.

- Промыла раз, а кровь всё равно проступает, – пожаловалась она.

- Мой второй раз, третий, песком доски потри.

- Песком? – удивилась девушка.

– Ну да, в деревнях всегда так делают.

Алексей уже устал. И вроде зэки жилистые, не упитанные, а тащить волоком тяжело.

Передохнув, он взялся за последнего и дважды останавливался, чтобы перевести дыхание.

Перед тем как сбросить тело в промоину, он обыскал карманы. В телогрейке нашёл два патрона к ружью и забрал их, решив, что надо оставить в избе.

В кармане брюк лежал завязанный узлом носовой платок. Он был замусоленным, и братья за него Алексею было неприятно, но любопытство пересилило. Развернув ткань, он опешил – на ладони лежали серые, невзрачные камешки. Странно, зачем зэку галька? Сначала он хотел выкинуть их, но потом передумал – зэк просто так ничего в карманах таскать не будет. Тем более что руки трупа были «украшены» множеством наколок – перстни, надписи. Видно, не один год, а то и не первую ходку сидел, или, как они говорили, чалился.

Завернув камни в свой платок, Алексей сунул его в карман, тело же сбросил в промоину. Хочешь не хочешь, а ещё раз сюда идти надо. Лопату в избе Алексей видел, и у него мелькнула мысль – закидать землёй захоронение, чтобы в глаза не бросалось. Устал, но надо!

Вернувшись, он отдохнул. Полы были уже чистыми, какими бывают только сразу после постройки. Люди избушкой пользовались, но до мытья полов не снисходили. Может, веником из веток иногда пыль и грязь выметут, но не более.

Алексей выложил на полку патроны, туда же уложил ружьё. Ему было жалко его выбрасывать, оружие он ещё с военного училища любил и уважал.

К промоине он вернулся уже с лопатой. Более часа пришлось потрудиться. С одного места землю брать было нельзя – это он хорошо понимал. Яма будет, подозрение вызовет. Поэтому сначала он подкапывал кочки и бросал их в промоину, а потом – просто землю. Слой земли получился не очень толстый, сантиметров тридцать. При первом же дожде земля вдвое просядет, но Алексей надеялся, что время и осенне-зимняя непогода сделают своё дело.

Назад к избушке он брёл с чувством выполненного долга. Правда, лопата, которую он нёс на плече, казалась ему пудовой. Но Алексей пересилил себя и, вернувшись, обошёл вокруг избушки, внимательно вглядываясь, не осталось ли каких-либо следов?

Войдя в избушку, он без сил плюхнулся на скамью.

- Наталья, есть хочется ужасно. Пошарь-ка на полке, может, хоть что-нибудь найдётся?

- Смотрела уже, - откликнулась Наталья, - макароны и банка рыбных консервов «Частик в томате».

- Сгодится. Сходи, принеси воды, а я веток поищу, печурку растоплю.

Пересилив себя, Алексей принёс охапку веток и разжёг древнюю буржуйку. Спасибо тому неизвестному, что избу поставил и печь, без неё совсем плохо было бы.

Огонь он разжёг быстро. Вернулась Наталья с закопчённой кастрюлей, полной воды. В отличие от каменной печи буржуйка разогревалась быстро, но и дрова жрала, что твой паровоз.

Когда макароны сварились, Наталья слила воду, а Алексей ножом вскрыл банку консервов и, выложив её содержимое в кастрюлю, перемешал. Получилось нечто непривычно-красное, но пахло съедобно.

Приготовленное блюдо разложили по двум алюминиевым мискам.

Алексей ел не спеша, растягивая удовольствие. В животе появилось ощущение сытости, потянуло в сон. Да и в самом деле спать пора, солнце уже к вечеру клонится.

- Давай спать ложиться, - предложил Алексей.

Наталья только кивнула в ответ. День для неё выдался также нелёгким.

Алексей прикрыл дверь, задвинул деревянный запор и улёгся на топчан.

Наталья стояла в нерешительности.

– Ты чего?

– Так на топчане... – она не договорила.

Ну да, боится. Он на топчане человека убил, да и саму Наталью едва не изнасиловали.

– Так и будешь стоять всю ночь?

Наталья пересилила себя, легла с краю и прижалась к Алексею. Уснули оба быстро, поскольку день выдался тяжёлый.

Глава 2

Камни

Спать на топчане и под крышей было куда теплее, чем на голой земле, и Алексей проснулся бодрым, отдохнувшим. А Наталья всё спала, просто наглым образом дрыхла.

– Вставай, соня!

– М-м-м, дай поспать! Хорошо-то как!

– Надо собираться, идти.

– У тебя других слов нет? Всё идти да идти! Я на всю жизнь вперёд находилась.

– Деревня должна быть недалеко.

Наталья встала. Косметики нет, волосы всклокочены... Но даже в таком виде она была привлекательна.

- Отвернись, я себя в порядок приведу. Я страшная, да?

- Не гневи Бога, вполне... Пошли умываться, заодно и попьём – есть-то всё равно нечего.

Они привели себя в порядок, умылись, напились и тронулись в путь.

Сначала Алексей, направившись по старому пути, нашёл свою сумку. Немудрящие были в ней пожитки, но всё же... Он припомнил, с какого места вышли зэки, и направился туда. Наталья не отставала ни на шаг.

- Наташа, я вот о чём хочу поговорить. Забудь вчерашний день, вроде как и не было ничего.

- Думаешь, нас расспрашивать или подозревать в чём-то будут?

- Подозревать – нет. А о самой катастрофе будут расспрашивать, и не раз. Рассказывай всё, как было, но вчерашний день выкинь из головы. Ни ментам, ни подругам, ни дома по телефону – никому ни слова. Тогда оба в тюрьму сядем.

- Господи, а я-то за что?

Ну да, теперь он один во всём виноват, у женщин всегда так. А не побежала бы к зэкам – ничего бы не случилось.

- Да, на мне кровь. Но я тебя защищал. Если бы бандиты со мной расправились, они бы и тебя не пощадили. Это тебе понятно?

- Не дура.

- Так ведь формально ты моя сообщница.

- С какого перепугу?

– Кровь в избе замывала? На официальном языке – скрывала улики. Если что, судить будут обоих, просто тебе меньше дадут.

– Об этом я как-то не подумала.

– Давай телефонами обменяемся, думаю – они нам могут понадобиться. Только об избушке по телефону – ни слова.

На привале Алексей нацарапал авторучкой на клочке бумажки номер своего мобильного, Наталья – даже два.

– Один сугубо для друзей, второй – служебный, – пояснила она.

– Думаю, как выйдем к людям и позвоним в полицию или аэропорт, придётся объяснительные какие-то писать, а то и на место катастрофы лететь.

– Лететь? Никогда в жизни! Я поездом поеду.

– Это твоё дело. А впрочем – я тоже. Справку только надо не забыть взять.

– Зачем? Подать на компанию в суд?

– Разве я похож на сутягу? Я уже два дня как на работе быть должен, иначе уволят как прогульщика.

Они снова пошли.

Около трёх часов дня вышли к просёлочной дороге, и Наталья от радости даже завизжала.

Вскоре показалось село. У первого же встречного Алексей узнал, где находится администрация. Он попробовал включить сотовый телефон, но аккумулятор уже сел.

Добрались до центра села. Наверное, в здании, о котором им сказал прохожий, когда-то было правление колхоза, а теперь – администрация села.

Оба прошли к секретарю, поздоровались.

- Девушка, нам бы в Екатеринбург позвонить.

- Вам что, делать больше нечего?

- Мы с разбившегося самолёта. Надо сообщить, где он.

Секретарша бросила бумаги и кинулась к двери:

- Антон Павлович! Тут люди с самолёта, который ищут!

- Заводи!

И сам следом за секретаршей появился в дверном проёме.

- Нам бы позвонить, - снова сказал Алексей.

- Всё сделаем в лучшем виде, - заверил его Антон Павлович. - Проходите, я сейчас номер наберу.

Он стал названивать районному начальству. Как же, в первую очередь начальству, чтобы показать свою ретивость, рвение к службе.

Потом он набрал номер МЧС и передал трубку Алексею.

- Здравствуйте, мы пассажиры с разбившегося самолёта, вылетевшего из Ерёмина.

- Все живы?

- Только двое.

- Вы где?

– Минуточку, – Алексей передал трубку Антону Павловичу. Тот объяснил, как называется село, покивал головой.

– Велено накормить и ждать, за вами придут. Есть хотите?

– А вы думаете, мы из ресторана? – возмутилась Наталья.

– Да, конечно. Идёмте.

Их провели в столовую, в соседнем здании. Впервые за несколько дней они вымыли руки с мылом, поели борща и пельменей.

После обеда Наталья попросила:

– Нам бы одежную щётку, почиститься.

– Конечно, сейчас.

Антон Павлович отвёл их в свой кабинет, нашёл щётку, и Алексей с Натальей по очереди привели себя в порядок. После сытной еды и осознания того, что наконец-то вышли к людям, Алексей так и уснул в кресле.

Проснулся он от голосов. В кабинете было полно людей – в форме МЧС, прокуратуры, полиции, авиационной. Он даже не слышал, как неподалёку приземлился вертолёт.

– О, герой проснулся! Как фамилия?

– Алексей Иванович Терёхин, – хриловатым после сна голосом сказал Алексей.

– Есть такой в списках, – радостно заявил представитель авиакомпании.

– Подождите. Карту читать умеете? Покажите, где самолёт?

На столе разложили карту. Алексей нашёл село, к которому вышел, повёл пальцем на северо-восток и ткнул пальцем:

- Приблизительно – этот район.

- Не может быть, он в стороне от трассы.

- У пилотов двигатель остановился, они, вероятно, площадку подыскивали, в сторону уйти могли, – попытался ответить Алексей.

- Разберёмся. Вы в состоянии полететь с нами, показать?

- Вполне.

- Я не полечу, с меня хватит, – вмешалась Наталья.

- Хорошо, будьте здесь. Антон Павлович, пристройте куда-нибудь даму, отдохнуть.

- Сделаю.

Алексей со всеми прибывшими направился к вертолёту, который стоял на спортивной школьной площадке. Набралось человек двенадцать, все важные, в форме, с папками для бумаг.

Алексей сидел у иллюминатора и смотрел вниз. Конечно, сверху местность выглядела не так, но некоторые характерные места он всё же узнавал.

- Недалеко уже, – сказал он борттехнику.

Вертолёт стал снижаться.

- Вон он!

- Вижу, – раздалось несколько голосов.

Сверху самолёт был не очень заметен, его закрывали деревья.

Подняв тучу пыли, вертолёт приземлился на небольшую поляну, метрах в ста от разбившегося самолёта.

Когда члены комиссии вышли из «МИ-8», Алексей пошёл первым. Вроде катастрофа произошла недавно, а Алексею казалось, что прошла целая вечность.

Несколько десятков метров – и перед членами комиссии открылась вся картина трагедии. На минуту все замолкли, потом вперёд вышел работник прокуратуры:

– Задержитесь здесь.

И стал фотографировать самолёт, оторвавшийся хвост, тела погибших пассажиров с разных сторон.

К Алексею подошёл представитель авиакомпании:

– Расскажите, как всё произошло.

Алексей чётко и подробно доложил.

– Мне бы справочку, – попросил он.

– О материальном ущербе?

– Нет, мне на работу, иначе уволят за прогул.

– Конечно. Вернёмся в аэропорт и сразу выдадим.

А дальше к Алексею подходили то представители милиции – тьфу! – полиции, то МЧС. Полицейские расспрашивали его снова и снова.

– Простите за вопрос, работа у нас такая. Вы багаж осматривали?

– Было дело, есть хотелось. В одном чемодане рыбу сырую, подсолённую нашли. Жарили на костре и ею питались.

Алексея пытали почти до вечера. Потом все уселись в вертолёт и вернулись в село. Тут всех определили на постой к местным жителям – гостиницы в селе не было.

Утром в село прилетел второй вертолёт, а вместе с ним – ещё десяток разных официальных чинов. Этот же вертолёт отправился за телами погибших.

Алексея и Наталью после завтрака посадили в другой вертолёт, куда кроме них сели ещё несколько человек из вчерашних. Наталья лететь боялась, но Алексей успокоил её:

– Снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает, зато в Екатеринбурге скоро будем.

Они прилетели в Уктус часа через два, но бумажная круговерть длилась до вечера.

Их осмотрел врач.

– Врач-то зачем? – удивилась Наталья.

– Каждый пассажир застрахован, надо осмотреть, всё-таки – страховой случай.

Представитель авиакомпании своё слово сдержал – и Наталье, и Алексею выдали справки для работы. Они должны были подписать множество бумаг – всё-таки двое выживших свидетелей, они же пострадавшие. И только вечером представитель авиакомпании сказал:

– Всё, вы свободны. Желаете самолётом полететь?

– Нет, – дружно ответили оба, – нам бы билеты на поезд до Москвы.

– Будут билеты, подождите.

Представитель созвонился с железной дорогой, на машине их доставили к железнодорожному вокзалу и вручили билеты. В один вагон, в одно купе – до

Москвы. Через полчаса они уже сели в поезд.

– Кончился, кончился этот кошмар! – Наталья с блаженством на лице растянулась на полке. – Теперь буду спать до Москвы.

– Теперь можно.

А за окном, в темноте, пролетали пустынные полустанки и нескончаемый лес.

Через двое суток поезд прибыл в Москву. Алексей и Наталья вышли на перрон.

– А поедем ко мне домой! – вдруг неожиданно предложила Наталья. – Возвращение отметим. Нам ведь повезло – не как другим, которые у самолёта остались. Наверное, судьба.

– А не боишься незнакомого мужчину в дом приглашать? – пошутил Алексей.

– После того, как я с тобой спала? Да ты, как честный человек, теперь на мне жениться должен. – Наталья улыбнулась, но глаза остались серьёзными.

Алексей смутился. К такому разговору он был не готов.

– А ты что, не замужем?

– Мы с тобой неделю вместе, а ты и не поинтересовался! Эх, донжуан! Нет, не замужем. И квартира своя.

– Тогда едем. Мне всё равно ночевать негде, разве что в гостинице.

– В гостинице? Ты меня обидишь. Слишком много пережито вместе, мы с тобой теперь как родные.

Они сели в такси и доехали до Сивцева Вражка – так называлась улица, на которой жила Наталья.

Необычное название, старинное и даже какое-то вкусное на слух, не то что безликая 5-я улица Строителей времён социализма.

Наталья открыла дверь, вошла в квартиру. Алексей вошёл следом. В лицо ему дохнуло нежилым. Всё-таки квартира или дом живут, когда в них находится человек.

Наталья сразу распахнула форточки, в квартиру ворвался свежий воздух и шум улицы. «А вот в новых домах со звукоизоляцией плохо, – про себя отметил Алексей. – Слышно, как идёт лифт, как играет музыка у соседей». В старом доме в Питере, где он снимал квартиру, такого не было. Если на одном этаже свадьба, а по соседству похороны, никто никому не мешает.

– Располагайся, где нравится, – предложила Наталья.

Алексей уселся в кресло. Наталья хлопнула дверцей холодильника и вышла из кухни с расстроенным видом:

– Пойду в магазин за продуктами. Или в кафе пойдём?

– В таком-то виде?

Одежда, хоть её и чистили, выглядела не лучшим образом, а переодеться было не во что.

– Я быстро.

– Я с тобой. Что я один сидеть буду?

Они сходили в гипермаркет, находившийся неподалёку, и набрали продуктов. Вроде бы всего понемногу, но получилось два больших пакета.

Пока Наталья колдовала над ужином, Алексей смотрел новости. Об их разбившемся самолёте – ничего. Или они пропустили репортаж, пока ехали в поезде?

Квартира у Натальи была однокомнатная, зато своя, не съёмная, по-женски уютная. Свою квартиру Алексей содержал в чистоте, но выглядела она показарменному. Женщины маленькими деталями – цветком в горшке, небольшой картиной на стене, игрушкой – могут придать жилью шарм, уют, тепло. И что скрывать, Алексею квартира Натальи понравилась.

Они не спеша поужинали. Алексей чувствовал себя умиротворённо и немного грустно. За дни, проведённые вместе, он как-то даже привык к этой своенравной и немного взбалмошной, даже капризной девушке. Завтра надо расставаться, уезжать.

Наталья, вероятно, тоже испытывала такие же чувства.

– Давай выпьем?

– Не откажусь.

– Вино или виски?

– Водки нет? Тогда вино.

Пробовал Алексей виски, но не нравился ему сей продукт – впрочем, как и текила. Лучше хорошей водки для русского человека нет ничего.

Наталья разлила по бокалам испанское вино, сказала краткий тост:

– Со счастливым возвращением!

– За то, что уцелели и выжили! – добавил Алексей.

Вино было приятным, с хорошим послевкусием. Наталья покраснелась, оживилась.

– Сто лет уже не пила!

– Ну да – сто лет! Неделю всего!

Алексей наполнил бокалы.

– Судьба подарила нам вторую жизнь, так нечасто бывает. И познакомила заодно. Так выпьем же за встречу и знакомство!

– Ура!

Наталья выпила вслед за Алексеем. Потом она мыла посуду, а он снова смотрел телевизор. Затем зашумел душ, и несколько минут спустя Наталья вышла из ванной посвежевшая, замотанная в большое банное полотенце.

– Твоя очередь.

Алексей достал из сумки чистое бельё и мысленно похвалил себя за то, что нашёл сумку в лесу на обратном пути. С превеликим удовольствием он поплескался под горячими струями. Эх, славно! Он вытерся – даже растёрся полотенцем докрасна, как привык, натянул трусы. Одеваться дальше? Так ведь спать в одежде не будешь, не в тайге. И он решил выйти из ванной так.

В комнате горел ночничок. Наталья уже успела раздвинуть диван, превратив его в двуспальный, застелила и легла сама.

Алексей остановился посередине комнаты в нерешительности – Наталья приготовила ложе явно для двоих. В принципе в тайге спали они вместе, но в одежде, и он не делал никаких намёков, не приставал. Однако тогда их задачей было выживание. Теперь же ситуация другая, он у неё в гостях. У женщин ведь как? Пристаёшь – козёл, не пристаёшь – дурак. Вот и пойми их логику, особенно когда её, в мужском понимании, нет.

– Ты чего встал? Ложись. По-моему, у нас уже есть опыт.

Было бы предложено. Алексей нырнул под тонкое одеяло. Нечаянно коснулся рукой Натальи, и его всего обдало жаром – девушка была нагая. Вот чертовка! Провоцирует или?.. Несмотря ни на что, он решил просто спать. Однако близость молодого женского тела и выпитое вино будоражили, гнали сон прочь. Он повернулся на бок.

– Ты долго ещё полено из себя изображать будешь? – спросила девушка.

В общем, произошло то, что и должно было произойти между молодым сильным мужчиной и такой же молодой женщиной, находящимися в одной постели.

Наталья оказалась опытной, темпераментной, и они не спали почти до утра, предаваясь любовным утехам и как будто навёрстывая упущенное. В итоге проснулись в полдень. Алексей чертыхнулся про себя – что-то не больно он торопится на службу.

Наталья пошла на кухню – готовить завтрак.

– Иди есть, гость дорогой.

В молчании они позавтракали.

– Мне в Питер ехать надо, служба, отпуск кончился – с этими словами Алексей поднялся.

Наталья, смотревшая до этого в пол, подняла глаза:

– Лёш, возьми меня замуж.

Алексей растерялся. Никогда раньше женщины не говорили ему таких слов.

– А что? По службе в Москву переведёшься, а хочешь – так и вовсе увольняйся, в столице хорошую работу найти можно. Жильё у меня есть.

Алексей молчал – он был ошарашен.

– Господи, о чём это я? – Наталья поднялась со стула. – Квартира, служба! Просто нравишься ты мне! – почти крикнула она. – Нынче мужик хилый пошёл. При галстукке он, с ноутбуком, а попади в тайгу, как мы, с голоду бы сдох. А я за тобой, как за каменной стеной. Лёш?

– Погоди маленько, уж больно всё неожиданно. Я пока так далеко не заглядывал. Не гони коней, дай подумать. Я знаю твой телефон, знаю квартиру. Подумать мне можно? Шаг-то серьёзный.

– Думай.

Наталья сделала шаг вперёд, прижалась всем телом к Алексею, впилась в губы поцелуем.

Алексея обдало жаром. А может, ну её к чёрту, жизнь в Питере? Что он там видит? Служба, съёмная холостяцкая квартира, сон, снова служба... Как будто по рельсам едешь, а вокруг – унылая степь. А жизнь проходит, и ушедших лет уже не вернуть.

С трудом пересилив себя, он оторвался от девушки, перебросил ручку сумки через плечо, повернулся и вышел из квартиры, не оглядываясь. Долгие проводы – лишние слёзы.

Спускался по лестнице – не на лифте. Выйдя из-под козырька подъезда, он поднял голову, увидел в окне Наталью и помахал ей рукой.

А куда идти? В какую сторону? Где метро? Секунду поколебавшись, спросил у прохожего, внутренне обругав себя: «Вот ведь балда стоеросовая, вполне мог бы у Натальи узнать, она бы подробнее объяснила».

На метро пришлось ехать с пересадкой. Московское метро значительно больше питерского, но ориентироваться в нём было удобнее, указателей хватало.

Через час он уже сидел в поезде. Не «Сапсан», конечно, но шёл быстро, и поздним вечером Алексей прибыл на питерский Московский вокзал.

Добравшись до квартиры, он сразу замочил пыльную одежду в воде. Бросив сумку у дивана, услышал, как в ней что-то стукнуло. Алексей расстегнул молнию... Как он забыл? В боковом отделении лежал пистолет «ТТ», отобранный им у зэка, и рядом – узелок с камнями. Во всей этой суматохе он совершенно забыл о них.

Приняв душ, он завёл будильник, отутюжил форменную рубашку и брюки. Перекусить бы сейчас, но холодильник был пуст, перед отпуском он его вообще из сети выключил.

Покончив с этими делами, он улёгся спать, поскольку в предыдущую ночь совсем не выспался. При воспоминании о бурной ночи, проведённой с Натальей, по телу прокатилась тёплая волна.

Как не хотелось вставать утром, всё тело протестовало, но – надо!

Он быстро собрался, взяв кроме обычного удостоверения справку из аэропорта, и бегом побежал на трамвай, а потом пересел на метро. Торопливо проскочил через проходную, направляясь к кабинету начальника – нужно было успеть до утренней планёрки.

«Сам» нахмурил брови, увидев входившего Алексея, но, прочитав справку и выслушав его объяснения, смягчился.

– Видел я мельком по телевизору новости о самолёте, только подумать не мог, что на нём мой сотрудник. Слава богу, всё обошлось. А то вроде служил исправно – и вдруг такой прокол! Иди, служи, как и прежде!

Алексей вышел довольный – гроза миновала.

В отделе тоже удивились:

– Ты что, на больничном был?

И Алексею пришлось ещё раз, только коротко, рассказать об авиакатастрофе.

– Ох и повезло тебе, парень! Ты этот день отмечай как второй день рождения.

И снова потянулись серые будни. Со службы он приходил усталый, пока немудрящий ужин приготовит – спать пора. А вечером, перед сном, лёжа в постели, раздумывал – о жизни, о перспективах в ней, о Наталье. И чем больше он размышлял, тем больше склонялся к мысли о переезде в Москву. Жалованье или, официальным языком говоря, денежное довольствие, им подняли, но даже

после повышения оно не было таким, чтобы за службу руками и зубами держаться – водитель троллейбуса получал не меньше.

К пятнице он вспомнил о камнях – надо выяснить, что это такое. Ведь не зря зэк их в кармане таскал! Если что-то несерьёзное – выкинуть и забыть.

Он начал вспоминать знакомых, но никого, кто бы серьёзно разобрался в камнях, среди них не было.

На следующий день была суббота, выходной день, и он отправился в Горный институт, что на Васильевском острове. Добирался на трамвае 63-го маршрута – мимо этой остановки он проезжал каждый день. Поехал в форме – вахтёры, стоящие на проходной, формы всегда побаиваются. И не ошибся, вахтёр даже удостоверение спрашивать не стал:

– Проходите.

– Мне бы на геолого-разведочный факультет. Не подскажете?

Вахтёр подробно объяснил Алексею.

– Только боюсь, нет там сейчас никого из преподавателей.

– Ничего, прогуляюсь.

На факультете Алексей одну дверь подёргал, другую. Заперто, хотя студенты по коридору слонялись.

– Вы кого ищете? – остановилась рядом с ним молодая женщина в белом халате, вероятно – лаборантка.

– Мне бы кого-нибудь из преподавателей.

– Профессор на месте, пойдёмте, – лаборантка подвела его к двери.

– Спасибо, – Алексей постучал.

– Да-да, войдите.

Алексей ожидал увидеть убелённого сединами мужчину преклонных лет и в очках – именно таких он видел в кино. Однако за столом сидел худощавый мужчина средних лет. Он с интересом оглядел Алексея, задержав взгляд на его форме.

– Здравствуйте, садитесь.

Алексей в свою очередь осмотрел кабинет: может быть, тут есть настоящий профессор?

– Вы ко мне?

– Ну, если вы профессор, то к вам.

– Не похож? – засмеялся профессор. – Но именно я и есть профессор. Вы из полиции?

Алексей не стал отвечать – пусть думает так. Он достал из кармана узелок с камнями, развернул и положил на стол.

– Мне бы хотелось знать, что это за камни. Ну хотя бы ориентировочно.

– Геммологическая экспертиза – это долго. У вас с собой официальный запрос?

– Мне бы предварительно, без запроса – для определения дальнейших действий. У преступника в кармане нашли.

Мужчина подтянул к себе носовой платок с камнями, взял в руки лупу. Осмотрев камни, зачем-то потрогал каждый.

– Вы хоть имеете представление, что это такое?

– Никакого.

– Алмазы, якутские алмазы. Если их огранить, то будут бриллианты.

У Алексея глаза на лоб полезли. Вот эти невзрачные камешки – алмазы?

– Все за исключением одного, вот этого.

– Они похожи.

– Сами подержите в руках. Алмазы имеют низкую теплопроводность и холодные на ощупь, а вот этот – тёплый. С какой Голконды вы их привезли? Ах да, у преступника изъяли.

– И сколько они могут стоить?

– Видите ли, товарищ... – профессор посмотрел на погоны Алексея.

– ...старший лейтенант.

– Да, именно. Стоимость обработанного алмаза возрастает в разы – это зависит от веса, цвета, чистоты. Сейчас сказать этого нельзя, но самый лучший – «бриллиант чистой воды».

– Это как? Я не специалист.

– Разумеется. Если такой бриллиант опустить в чистую воду, его не будет видно, потому и «чистой воды». De Beers продаёт их по пятьдесят восемь долларов за карат, наши же чиновники ухитряются продавать по двадцать два доллара.

– Наши хуже? – удивился Алексей.

– Кто вам сказал такую чушь? – возмутился профессор. – Тот же De Beers покупает у нас алмазы по двадцать два доллара, а продаёт в Антверпен по пятьдесят восемь.

– Почему в Антверпен?

– Там мировая столица по обработке, огранке алмазов. Хотя в последнее время их всё чаще обрабатывают в Индии, дешевле выходит. Да и у нас в России тоже. Вы в курсе, что почти все собственники гранильных предприятий в России – граждане Израиля и Бельгии?

– Нет, – растерялся Алексей. – А всё-таки, сколько это может стоить?

– Один карат – пятьсот-шестьсот тысяч рублей. Вот этот камень приблизительно один карат и есть. Вот этот – два, может быть, чуть больше. Карат – это всего ноль целых два десятых грамма. Так что в носовом платочке, в котором вы камни так небрежно принесли, миллионов пятнадцать-двадцать. Такие ценности в броневишке и с охраной перевозить надо.

Алексей не мог поверить своим ушам. Он в тайге их выкинуть хотел, а оказывается это – целое состояние.

Он собрал камни в носовой платок и сунул их в карман.

– Спасибо, профессор, за консультацию. Думаю, вы понимаете, что о нашем разговоре...

– Да-да, конечно! Молчок!

– До свиданья, вы очень нам помогли.

Алексей вышел из Горного института в абсолютной прострации. В кармане – состояние! А он их дома небрежно в сумке держит, и дверь не очень прочная, деревянная, правда из настоящего дерева старой работы.

Он пытался сообразить, что ему сейчас делать. Поделиться новостью ни с кем нельзя. Сдать государству? Вариант, но его обязательно спросят: где взял? А про убитых им эков Алексею рассказывать вовсе не хотелось.

Голова шла кругом. Звонить Наталье? Нельзя. Вернее, поболтать можно, но не о камнях. Мало того, что любой женщине секреты доверять нельзя, так ведь и сотовая связь прослушивается полицией и ФСБ.

Алексей не придумал ничего лучшего, как вернуться домой – надо было обмозговать сложившиеся обстоятельства в спокойной обстановке, слишком всё серьёзно. Если кто узнает – неприятностей не миновать.

Пока он ехал в трамвае, казалось – узелок с камнями жжёт карман.

Уже дома Алексей развернул носовой платок и уселся за столом. Надо же, безликие камешки – и такая цена! Да он за всю жизнь честной службой столько не заработает! Стоп, профессор сказал, что один камень – не алмаз. Вот только какой? Он не запомнил: все камни были похожи и отличались только по размеру. Кстати, профессор упоминал, что алмазы холодные на ощупь.

Он взял один камень в руку. В самом деле, прохладный. И другой такой же, и третий... Взял ещё один камень. Края у него не острые – округлые, как у гальки, обкатанные водой. Как он попал сюда, к алмазам?

Алексей потёр камень пальцем. Под слоем въевшейся, спрессованной пыли появились чёрточки, напоминающие древние руны.

Он потёр камень сильнее – уже всей ладонью. Камень потеплел, даже горячим на ощупь стал. Только у Алексея внезапно заболела голова, задрожали, как в летнем мареве в зной, и сделались расплывчатыми очертания мебели и дверных проёмов. Голова закружилась, он ухватился одной рукой за стол и, держа в другой камень, прикрыл глаза.

Через несколько секунд головокружение прекратилось. Почувствовав себя лучше, Алексей открыл глаза. Сроду такими полуобморочными состояниями он не страдал. Или это авиакатастрофа так на него повлияла? Врач в Екатеринбурге хоть и осматривал, но без анализов. Вдруг он сотрясение мозга получил? Хотя жалоб на здоровье у него никаких как тогда, так и сейчас не было. Но с головой явно что-то не в порядке.

Алексей чётко помнил, что находился в комнате на съёмной квартире, а сейчас перед ним была мощённая булыжником дорога.

Камень, который держал в руке, Алексей сунул в карман – он не связал происшедшее с ним. Что с того, что на камешке проступили чёрточки, похожие на древние руны? В музеях таких полно.

Но сначала надо определиться, куда он попал, где Питер и в какую сторону идти? Был он как-то на службе в Калининграде, бывшем немецком Кёнигсберге. Так вот там брусчатка очень похожа на эту, на которой сейчас стоял Алексей. Нет, наверняка у него какой-то провал в памяти. Уехал в Калининград, а сам переезд забыл. Тем более что от Питера до Калининграда не так далеко, паромы ходят.

Сзади, пока довольно далеко, слышались тяжёлые шаги множества людей – так ходят строем солдаты.

Алексей обернулся и остолбенел: по дороге из-за поворота действительно выходила колонна пехоты, но только не Российской армии – шли настоящие гоплиты. Сандалии на деревянной подошве, туники, в левой руке – тяжёлый щит скутум, на бедре – короткий меч в ножнах. На головах шлемы, только не стальные, как сейчас, а бронзовые, у некоторых с поперечным гребнем, у других – с продольным. Шли самые настоящие римские солдаты, какими он их видел в исторических фильмах. Впрочем, у древних греков одеяния тоже похожие, только щиты небольшие и круглые. Но точно утверждать он бы не взялся, не историк. В музеи ходил иногда, фильмы любил смотреть – того же «Гладиатора». Умеют же делать в Голливуде! У нас же только ремейки вроде «Служебный роман-2», «Ирония судьбы-2», «Кавказская пленница-2». И хоть бы один новый фильм оказался равен по качеству старому – тьфу!

Колонна подошла ближе, и Алексей сошёл с дороги! Тяжёлая поступь сотен ног, пыль, запах пота, кожи, доспехов, чеснока. Это же сколько чеснока съесть надо, чтобы так пахнуть?

Мимо Алексея промаршировало не меньше тысячи воинов. Они поглядывали на него косо, но прошли молча. За ними идти? А вдруг они в дальнем походе – на тех же древних германцев?

Становилось жарко. Он в рубашке и брюках взмок. Солнце жарило немилосердно, хотелось пить.

Алексей двинулся в ту сторону, откуда показалась колонна. На вид солдаты были довольно свежими, не пропылёнными, а стало быть, вышли из города, причём близкого.

Город оказался ближе, чем Алексей думал. Едва он зашёл за поворот, как прямо перед ним в долине открылись городские постройки. На беглый взгляд, город был невелик – так, небольшой районный центр, тысяч на тридцать жителей, как не меньше. Постройки в один, редко – два этажа, каменные, земли вокруг полно.

Алексей бодро зашагал к городу. Слева на деревьях он увидел какие-то плоды. Ему стало интересно, и он сошёл с дороги, зайдя под крону. Ни на вишни, ни на сливы плоды не были похожи, по форме и размеру одинаковы.

Он сорвал плод, сунул в рот, разжевал. Так это же оливки! Ел он их как-то, не понравились. Но как они растут, видел впервые.

Откуда ни возьмись, появился негр – полуголый, в одной набедренной повязке и с кнутом в руках. Он стал что-то яростно кричать, показывая на оливки. Да понял уже Алексей, что это чей-то сад, но оттого, что он съел один плод, владелец не обеднеет. Он показал пальцем на плод, потом на свой рот и поднял палец. Один плод всего!

Но негр не унимался. Сторожем он здесь, что ли? Не стоило соваться, за границей частная собственность – всегда святое, никаких посягательств на неё не потерпят.

Алексей приложил руку к сердцу, извиняясь, и вышел на дорогу. Как сказать этому черномазому, что он не вор и только попробовать решил?

Однако негр не отставал, шёл в трёх шагах сзади и орал. Алексей не знал – что, но догадывался.

Вскоре оба подошли к городским воротам.

На вопли негра выскочили два городских стражника. Судя по суровым лицам и кожаным доспехам, а также множеству старых шрамов на руках и ногах – бывшие легионеры. Без слов они схватили Алексея под руки, зажав как в тисках. Да он и не собирался никуда бежать, сам в город шёл.

Его поволокли по улицам, завели в какое-то здание с портиком.

Негр, показывая на Алексея пальцем, что-то рассказывал. Знать бы, что так получится – языки надо было бы учить.

Сидевший в деревянном кресле мужик в белой тоге кивнул, потом ткнул пальцем в сторону Алексея. Он понял, что настала его очередь, и начал объяснять свои действия.

Услышав чужую и непонятную речь, римлянин поморщился, сделал знак рукой и бросил короткое слово: то ли владелец сада, то ли городской чиновник – Алексей так и не понял.

Стражники снова подхватили его под руки и поволокли. Алексей приготовился принять наказание. Поскольку денег или других ценностей у него не было, да и никто его об этом не спрашивал, он полагал, что ему отвесят пару-тройку плетей и выгонят взащей.

Однако действительность оказалась хуже – его бросили в подвал, за решётку. Причём, когда завели в камеру, надсмотрщик обыскал его. Наткнувшись на камень, лежавший в кармане, он осмотрел его и швырнул на пол. Громыхнули запоры.

В камере было ещё несколько человек.

Алексей поискал на полу камешек, нашёл и снова положил его в карман.

Сокамерник, по виду – форменный эфиоп, покачал головой, показал на карман, а потом на рот. Алексей догадался, достал камень, обтёр его о рукав и сунул себе в рот – сейчас это было самое надёжное место для хранения.

Толстые каменные стены и решётка на окне исключали возможность побега.

Алексей уселся на земляной пол. Непонятно, сколько ему здесь сидеть? Суда дожидаться? За одну съеденную оливу? Ну и порядки у них! А впрочем, для ромеев он варвар, поскольку не знает языка и ходит в брюках, как скиф.

Время тянулось медленно. К вечеру в камеру втолкнули ещё двоих, европейского вида, только говорили они между собой на непонятном языке.

Вечером надсмотрщик принёс деревянную бадью воды. Заключённые, отталкивая друг друга, жадно припали к живительной влаге. В камере, несмотря на окно, было душно, от наружной стены тянуло жаром. И только ночь принесла прохладу. Хотелось есть.

Понемногу все уснули, и Алексей тоже.

Утром он был разбужен пинком надсмотрщика. Остальные сокамерники уже стояли у стены. Всем связали руки верёвкой, и ещё одной – всех между собой, цепочкой, вывели из тюрьмы и повели по улице.

Алексей вертел головой по сторонам: интересно было посмотреть на город и на всякий случай запомнить дорогу – он не оставлял надежды сбежать при удобном случае. Увы! Очень скоро запахло морем – свежестью и водорослями.

Свернув за угол, пленники увидели море, причал с кораблями.

Сокамерники издали тяжёлый вздох – они раньше его поняли, какая участь им уготована.

Их подвели к либурне, как узнал потом Алексей. Он успел осмотреть судно. Длиной метров сорок, два ряда вёсел по борту, вогнутый форштевень украшен по бокам фигурками крокодилов. В носовой части возвышается башенка для лучников и пращников. На самом носу – трап-ворон для abordжа. На фальшборте два прохода – в носу и на корме. На корме же натянут тент для начальства. Так ведь это римская бирема, какой её видел на картинах и гравюрах Алексей! Римское судно для разведки, посыльной и дозорной службы.

По спине пробежал холодок. Алексей всё понял. Ему и сокамерникам предстоит быть гребцами. Труд рабский и тяжёлый, больше года никто не выдерживал – умирали. Трупы сбрасывали в море.

Стоявший у сходен моряк рукой отсчитывал заключённых, потом он отсчитал стражникам деньги. Блин! Всё, что угодно, представлял себе Алексей, но не участь гребца на галере!

У либурны, на которую его завели, даже мачты с парусом не было. Значит, и при попутном ветре всё равно придётся трудиться, не разгибаясь.

Будущих гребцов развязали и свели вниз. Часть людей оставили здесь, двоих отвели ещё ниже, на нижнюю палубу. Как потом узнал Алексей, там располагались гребцы нижнего ряда вёсел, по одному на весло. На верхнем ряду вёсел сидело по три гребца на весло, потому как они были длиннее и тяжелее нижних.

Его усадили на лавку. Почти сразу же пришёл кузнец и заковал вновь прибывших в ножные кандалы. Руками гребцы могли работать, есть, но сдвинуться с лавки – только на длину цепи, около полуметра. Стоило судну напороться на мель или получить пробоину в бою, гребцы шли под воду вместе с кораблём.

Потом пришёл ещё один моряк, накинул Алексею на шею петлю из верёвки, на которой болтался небольшой деревянный чурбачок. Алексей не понял его предназначения, но и спрашивать не стал. Похоже, гребцы – люди разных национальностей, настоящий Вавилон. Вот это он влип! Только теперь, будучи прикованным к судну, он осознал весь ужас своего положения. Разве отсюда сбежишь?

Судно у причала стояло долго, часа три. Потом ударил барабан, и гребцы взяли деревянные чурбачки в рот. Алексей сделал то же самое.

Длинными шестами моряки оттолкнули судно от причала. Мерно стал бить барабан. Сначала заработали нижние, короткие вёсла, отводя судно на чистую воду. Потом прозвучал короткий свисток, и все гребцы взялись за вёсла. Рукоять весла, за которым сидел Алексей, была уже отполирована до блеска предыдущими гребцами, но об их судьбе думать не хотелось.

Алексей не терял надежды. Он мерно работал веслом вместе с другими – новичков посадили на скамьи с опытными гребцами.

Под мерные удары барабана дружно работали все восемьдесят восемь вёсел либурны. Пенилась вода перед форштевнем, судно набирало ход. На палубе гребцов стало свежее, хотя и ненамного. Запах пота, испражнений, истлевшей одежды, казалось, впитался в обшивку судна.

Через четверть часа напряжённой работы Алексей весь вспотел, а ещё через час начали саднить ладони. Однако он, сцепив зубы, терпел. Дождаться бы только вечера – он попробует потереть камень снова. Уж коли он занёс его сюда, пусть и обратно вызволяет. Интересно, какой сейчас год? То, что он перенёсся в прошлое на много веков, а точнее – тысячелетий, сомнения у Алексея уже не вызывало.

Часа через четыре удары барабанов стихли. Гребцы обессиленно бросили рукояти вёсел.

Между рядами сидений пошёл надсмотрщик с глиняной амфорой и плошкой, раздавая воду. Похоже, до кормёжки дело пока не дошло, а есть хотелось просто ужасно.

По палубе забегали воины. С палубы гребцов не видно ничего, только клочок неба.

Потом вновь забил барабан, всё чаще и чаще, задавая темп, и либурна начала набирать ход. Внезапно резкий поворот влево, раздался треск ломающегося дерева. Алексей испугался: блин, неужели посудина ко дну пойдёт?! А он?

С палубы донеслись крики, звон металла, видимо, шла морская битва.

Вода в корпус не поступала, и Алексей успокоился. Возможно, либурна подводным тараном проломила борт чужого судна.

Через полчаса всё стихло, а вскоре на палубу гребцов столкнули четверых мужчин, по одежде и лицам – арабов. Начали приковывать первого. Тот понял, какая участь ему уготовлена, и стал вырываться.

Стоящий рядом воин в кожаных доспехах вытащил из ножен короткий меч-гладий и ткнул им бедняге в живот. Причём сделал это спокойно, даже как-то равнодушно, видимо, проделывал это не раз.

Араб скрючился от боли и зажал рану руками, из-под которых обильно текла кровь. Его подхватили двое солдат, выволокли на верхнюю палубу, и почти тут же послышался всплеск – агонизирующего араба сбросили за борт.

Остальные, видя участь товарища, не сопротивлялись. Их тут же приковали кандалами.

Либурна снова набрала ход.

Шли почти до вечера, остановились у берега. Был слышен шум прибоя, крики чаек. Надсмотрщик принёс лепёшки и сушёную рыбу – это был и обед, и ужин. Гребцы принялись за еду.

Алексей съел всё довольно быстро, и голодные спазмы в желудке на какое-то время стихли.

Пользуясь тем, что судно стоит, гребцы повалились на лавки и забылись тяжёлым сном.

Дождавшись, пока его товарищи по несчастью уснут, Алексей выплюнул в ладонь камешек и потёр его пальцами. Ничего не изменилось. Он снова потёр его – теперь уже ладонью. И вновь никаких перемен.

Алексей разочарованно вздохнул. Его надежды на обратный перенос – в любое другое время и место – улетучились.

Он улёгся на лавку. Уже засыпая, подумал, что ведь тёр он хоть и днём, но тогда было полнолуние, месяц менялся. Ничего, он сибиряк, он терпеливый. Алексей забылся тяжёлым сном.

А утром – завтрак из той же лепёшки и рыбы. Прожевав последний кусок лепёшки, он мельком подумал, что если гребцов на судне кормят только дважды, утром и вечером, да ещё и настолько скудно при такой тяжёлой работе, неудивительна высокая смертность среди гребцов. Он и сам через месяц будет похож на своих сотоварищей, больше напоминавших измождённые тени, чем молодых мужчин.

Поев, он разорвал на полосы рукава от рубашки и обмотал ими ладони. После вчерашней работы на коже вспухли кровавые мозоли. Если они лопнут, на солёном морском воздухе ладони долго не будут заживать. А уж если загниют – пиши пропало.

Он оглянулся: обросшие лица, потухшие глаза. Неужели и его ждёт такая же участь? Переброситься парой слов с соседями по скамье удавалось только утром или вечером, во время еды. Все говорили на разных языках, смешивая слова, но понимали друг друга – ведь говорили о простых вещах.

Его соседом оказался италиец, и, общаясь с ним, Алексей понемногу изучал язык. Он показывал на части тела, например, на руку, на предметы, их окружающие, – на весло, на скамью, а италиец говорил, как они называются. Постепенно Алексей запомнил простые слова, и, по крайней мере, хоть и плохо, но за месяц научился понимать, что говорит надсмотрщик. Но во время гребли не поговоришь, дыхание сбивается, а с ним и ритм. А надсмотрщик бдит зорко. Увидит, что кто-то ленится или устал – сразу кнутом по спине, а то и не раз. Алексея ещё не били, но он видел, как достаётся наиболее слабым.

Он едва дождался времени, когда в один из вечеров на небо выплыла полная луна. Когда гребцы уснули, он снова достал камень изо рта и потёр его. От долгого пребывания во рту камень стал как полированный. И снова ничего: как сидел Алексей на скамье в кандалах, так и остался.

От злости и разочарования он уже хотел было вышвырнуть камень за борт, в вёсельный порт, но вовремя одумался. Свыкся он уже с камнем, тот ему о доме напоминал. Привычно сунув камень в рот, Алексей уснул.

Судно бороздило в основном прибрежные воды. Либурна имела небольшое водоизмещение, малую осадку и могла подходить близко к берегам. Как понял Алексей, она выполняла охрану побережья от контрабандистов и врагов.

А врагов у Рима было много. Империя, раздираемая внутренними распрями и противоречиями, нападками гуннов, галлов, саксов и других племён, разделилась надвое – на Западную и Восточную империи – в 395 году. Мощь империи постепенно меркла, она уже не так пугала врагов, как раньше. Те же гунны обложили данью Византию – как когда-то всемогущий Рим соседние земли. И надменные италийцы, презирая варваров, платили им ежегодно до 700 литр золотом (около 230 килограммов).

Римская армия, впрочем как и флот, тоже слабела. В неё всё больше набирали не только италийцев, как прежде, но и другие народы. Ранее их брали только во вспомогательные войска – тех же нумидийцев в конницу. Однако издавна Рим

был силён пехотой, этими непоколебимыми фалангами, когортами и легионами. Но, увы, ни одна империя не существует вечно.

Через два месяца пребывания Алексея на либурне произошёл жестокий бой.

Либурна вышла утром, как и обычно, на патрулирование акватории. Около полудня раздался сигнал тревоги – взревела боевая труба сигнальщика. Забегали воины, готовясь к бою. Судно несколько раз маневрировало, работали вёсла то одного борта, то другого. Вот раздался удар тарана, крики, потом упал «ворон» на чужое судно – Алексей уже научился по звукам представлять картину боя.

Солдаты с либуры кинулись на abordаж. Но, видимо, противник был многочислен, имел не одно судно.

С правого борта, где был гребцом Алексей, раздался треск дерева, несколько вёсел оказалось сломано. Потом сильный удар сотряс галеру – это к правому борту подошёл ещё один корабль. С него на палубу галеры посыпались берберы, пираты Средиземного моря. Римская либура попала в засаду.

Завидев берберскую шебеку и сочтя её слабой целью, она погналась за ней, не зная, что за многочисленными островами прятались ещё две шебеки. Как только передняя шебека под парусом и галера удалились, они кинулись вдогонку. Соотношение сил резко изменилось. Теперь командир судна вынужден был обороняться.

А берберы лезли на борт либуры, сцепив суда abordажными крючьями-кошками. Какое-то время римлянам удавалось сдерживать натиск берберов – ромеев выручала носовая башня, где располагались лучники. Сверху, поверх голов легионеров, они обстреливали нападающих.

Но и среди берберов нашлись меткие стрелки. Вот уже убит один лучник, пращник повис безжизненно на перилах. Потом раздался удар в корму – это ещё одно берберское судно пошло на abordаж.

Дрались обе стороны ожесточённо и остервенело. Ромеи понимали, что даже если сдадутся, пощады не будет никому, всех зарежут или выбросят за борт. В защите, даже если и без оружия, в воде долго не продержаться.

Но с каждой минутой ряды защитников таяли. Римские фаланги были сильны монолитным строем, а когда нападают со всех сторон, да ещё и с численным превосходством, быть беде. Плюс ко всему короткие гладиусы. Ими хорошо колоть противника из-за щита, наступая стеной. И излюбленный римский приём – «черепаху» – не построить, слишком мало солдат и узка палуба.

Постепенно бой переместился к левому борту, а потом и вовсе стих. Берберы рыскали по либурне, собирая оружие римлян и прочие трофеи, и лишь потом они заглянули на палубы к гребцам. В первую очередь они освободили соплеменников, перерубив цепи. Затем крикнули добровольцев, переведя на несколько языков. Вызвались все – уж больно ненавидели римлян за их жестокость. Нет, пираты не пытались организовать войну с Римом – силы были не те, но восполнить потери от абордажа требовалось.

Алексей плохо понял, о чём речь, но когда стали расковырять гребцов, тоже вызвался. Несколько ударов молотком – и ножные оковы пали. Оказывается, это так здорово – просто встать со скамьи и выйти на палубу. Только на ней полно трупов – римлян и берберов, и доски палубы скользкие от крови.

Предводитель берберов указал на трупы, и всех без разбора побросали за борт, в воду, палубу же несколько раз окатили забортной водой.

Из-за поломки вёсел либурна потеряла ход, и её взяла на буксир одна из шебек. Весь караван направился к югу, к африканским берегам. Галеру вполне можно было отремонтировать, и берберы трофеев не бросили. Корабль – это деньги. Но это уже не было заботой Алексея – у берберов были предводители.

Когда шебека ткнулась носом в прибрежный песок, Алексей спрыгнул в воду. Раздевшись на мелководье, он как мог вымылся. За полтора месяца, проведённых на галере, больше всего хотелось вымыться, тело зудело от пота и грязи, волосы слиплись в колтун. Он тёрся песком, смывая, даже сдирая грязь. Потом наскоро простирнул одежду, от которой неприятно пахло.

Кое-кто, по примеру Алексея, тоже стал мыться и стирать обноски, но таких оказалось меньшинство – не было принято регулярно мыться в Европе, Азии и Африке. Это славяне раз в неделю, а то и чаще посещали баню. Рим тоже славился своими термами, где мытьё тела – целый ритуал. А французские короли, к примеру, даже в XVI веке мылись за жизнь дважды – при крещении да

ещё перед отпеванием. Зато от русских нос воротили, славяне, мол, варвары. Кто бы учил!

На берегу уже развели костры. Из близлежащего селения притащили барана, тут же его зарезали, порубили на куски и бросили в котлы. Вокруг костров столпились голодные галерники.

После падения Карфагена и финикийского государства римляне на море властвовали безраздельно, однако же на пиратов всех мастей смотрели сквозь пальцы. Пираты были выгодны Риму, они поставляли империи рабов. Кроме того, пираты не давали купцам из других стран завозить в империю зерно, в чём были кровно заинтересованы римские землевладельцы.

Великое переселение народов в V веке забросило в Северную Африку германское племя вандалов. За два десятка лет несколько десятков тысяч вандалов создали своё государство со столицей в Карфагене. Вокруг – пустыни с редкими оазисами, поэтому вандалы возвели пиратство в ранг государственной политики. Вандалы-язычники в дальнейшем уяснили, что Рим ослабел, и разграбили Вечный город.

Разбил пиратский флот, да и то не с первой попытки, флот Византии, этого осколка прежде могучей империи. Но даже когда вандалы были в силе, к побережью выходили племена арабов-берберов – они также хотели отхватить свою долю пирога. А после разгрома вандалов берберы заняли их столицу и всё побережье – место язычников занял воинствующий ислам. Пиратство продолжилось в значительно большем объёме – пираты в Средиземном море существовали всегда. Море тёплое, зимы практически нет, судоходство оживлённое, как нигде больше, и армянский царь Митридат предоставлял пиратам убежище в Киликии, прозванной Малой Арменией.

К берберам-арабам и попал Алексей. Вандалы их терпели, скрипя зубами, и при случае не гнушались перебить команду и захватить судно в качестве трофея. Но старались делать это скрытно, вдали от берегов. Потому как небольшое государство вандалов со всех сторон было окружено племенами кочевников-берберов, поставлявших в Карфаген скот на мясо, финики и прочую провизию.

Меж тем баранье мясо сварилось. Пираты разлили по глиняным мискам наваристый бульон, добавив по куску мяса. Люди жадно набросились на еду,

шумно хлебали из мисок через край.

Алексей давно не ел мяса, баранину же он не любил ни в каком виде. Запах своеобразный, а едва остынет, как появляется жир. Но сейчас угощение пиратов показалось ему едва ли не царским. Хотя он понимал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке: пираты кормят галерников, чтобы показаться щедрыми, чтобы склонить к службе у них. Ведь пиратство – занятие рискованное, потери в командах велики. А в случае удачи львиная доля добычи уходила даже не капитану – ему доставалась только десятая доля, главные кровососы сидели на берегу. Они покупали корабли, набирали команду, бункеровали провизией, пресной водой, оружием. А впрочем, так было во все века. Кто не рискует, тот и получает навар.

В отличие от многих других Алексей не чувствовал себя свободным. Да, он не прикован кандалами к скамье и может пройтись по берегу. Но куда он денется с этой пустынной земли? Ведь выбора нет абсолютно. Свобода подразумевает какой-то, пусть и ограниченный, но выбор – в месте жительства, действиях – даже еде. А у берберов – либо пиратствовать, либо сдохнуть от голода на берегу. По большому счёту ни то ни другое его решительно не устраивало. Только деваться было некуда.

И он замыслил примкнуть к пиратам, а при первом же удобном случае сбежать в более цивилизованные места. Правда, империя, куда он первоначально угодил, тоже оказалась не вполне гостеприимной, и за сорванную оливу он угодил на галеры. В голове мелькнула шальная мысль – пробраться на Русь. Всё-таки места родные, природа привычная, язык. Впрочем, с языком ещё неизвестно, слишком большая разница во времени. Может, в Византию? Риму, как империи, осталось существовать недолго, буквально ещё несколько лет. Император Валентиниан III не смог сохранить Западную Римскую империю. Восточная же империя со столицей в Константинополе будет стоять ещё много веков, примет православие.

И Алексей поставил перед собой цель, пусть пока далёкую, – Константинополь. Туда и купцы Киевской Руси добираются.

Он нашел италийца, соседа по скамье на либурне, показал пальцем на пиратскую шебеку. Италиец радостно закивал. Ну да, решил сделаться не галерником, а свободным пиратом.

Алексей улыбнулся и пожал италийцу руку – вроде товарищи они теперь. Вечером спать на берегу они улеглись рядом.

Звали италийца Ромулом, наверное, в честь основателей Вечного города. Песок вперемежку с галькой на берегу за день прогрелся, спать на нём под мерный рокот волн было уютно, дышалось легко.

Утром, едва рассвело, из селения явились берберы, раздали свежие лепёшки и финики. После завтрака они отсчитали два десятка человек из галерников и указали на шебеку.

Алексей, как и хотел, попал на одно судно с Ромулом. Он италиец, знает свои воды и земли, поможет сориентироваться. Другие бывшие гребцы попали на другие суда.

Несколько человек решили не заниматься пиратством и направились группой на запад. Алексей им только посочувствовал – у них не было запаса воды, еды и оружия. Без воды они протянут в пустыне всего лишь пару-тройку дней, если только их не возьмут в плен многочисленные племена кочевников. Шансов добраться до Европы – той же Испании – у них было немного.

Галерники взошли на судно.

Шебека уступала по размерам либурне раза в два. Но что галерников радовало – так это то, что на ней было только одно весло, рулевое. И ещё на судне была мачта с парусом. Конечно, гребная галера не зависела от ветра, как шебека. Зато, если дул ветер, шебека могла долго идти с приличной скоростью.

Но и вооружения на шебеке не было – носовой башни для лучников, подводного тарана, перекидного трапа-«ворона» с клювом.

Новоявленным пиратам раздали короткие ободранные кривые сабли довольно скверного качества, причём даже без ножен. Клинки заточку не держали, рукоять была деревянной и сделана грубо.

Шебека вышла в открытое море. До полудня ходили галсами, высматривая добычу. Большая часть пиратов сразу начала играть в кости. Однако игра

быстро закончилась, поскольку у бывших галерников не было никакого имущества, чтобы поставить на кон. А когда один из бывших галерников выиграл у бербера, так и вовсе вспыхнула потасовка. Но кормчий быстро прервал свару, не став разбираться, кто зачинщик, и врезав обоим по зубам.

Далеко за полдень вперёдсмотрящий закричал:

– Корабль! – и показал рукой направление.

Игра сразу была забыта. Пираты приникли к борту. Далеко, почти на горизонте, едва виднелся парус. Причём корабль двигался в их сторону.

– Опустить парус! – крикнул кормчий.

Пираты выполнили команду, и шебека потеряла ход.

Алексей сначала не понял, зачем потребовалось спускать парус, только потом до него дошло. Парус видно издалека, а мачту узреть сложно. И только когда корабль подойдёт ближе, станет виден корпус шебеки.

Пиратское судно было с низким бортом, издалека не заметным, но хорошо приспособлено именно для пиратских действий. В отличие от них торговые суда имели корпус высокий и широкий, чтобы иметь вместительные трюмы, оттого и силуэт был заметен издалека, и ход они имели небольшой. Команды торговых судов имели оружие и могли отбиться от небольшого пиратского корабля, но зачастую вовсе не сопротивлялись.

Берберы не лили понапрасну кровь пленников – за каждого можно было получить выкуп. А если убьёшь, деньги пропали. Ведь главной целью пиратов была не война, а нажива. После получения выкупа пленников возвращали, случаев обмана не было: пиратские вожди понимали, что подрывать бизнес нельзя. Содержали пленников обычно вдали от побережья, в укромных местах, чтобы родня, организуй она силовую вылазку, не смогла найти пленника.

Алексей был на пиратском судне впервые и потому смотрел за действиями кормчего с интересом – он же капитан. И потом, надо было узнать тактику врага изнутри, а в том, что пираты его враги, он не сомневался.

Между тем чужой корабль приближался, и вскоре стало понятно, что это торговое судно. Как понял Алексей, если бы судно оказалось военным – той же римской триремой или даже квинкверемой, пиратам пришлось бы срочно уносить ноги. В одиночку против небольшого военного корабля им было не справиться.

На «торгаше» пиратов тоже заметили. Корабль резко изменил курс, но было уже поздно.

Кормчий приказал поднять парус. На такой дистанции тихоходному судну от лёгкой и быстроходной шебеки не уйти.

Теперь расстояние стало сокращаться, и через пару часов погони шебека подошла вплотную.

Кормчий, сложив ладони рупором и приложив их ко рту, закричал:

– Опустить парус! Если не будете сопротивляться, никого не тронем!

Бербер не блефовал.

На «торгаше» спустили парус. Шебека сделала так же. С «торгаша» забросили «кошки» и подтянули шебеку к борту торгового судна.

Пираты с воплями, размахивая саблями, полезли на борт торгового судна. Однако команда сбилась на корме, оружия при себе она не имела и потому сопротивления не оказывала.

Старший из абордажной команды, бербер Мислим, распорядился загнать весь экипаж судна в трюм и сам закрыл деревянный запор. Тут же сбросили «кошки», подняли на «торгаше» парус, и абордажная команда на время стала судовой. Теперь оба судна шли к африканскому побережью. Захват произошёл быстро, бескровно и даже как-то обыденно. Алексей сам был в абордажной команде и всё видел своими собственными глазами. Конечно, это его первый опыт, но уж больно легко и просто всё произошло. Конечно, кто же из берберийских вождей, будучи в здравом уме, откажется от лёгкой добычи, от больших денег? Но ещё через пару часов он понял, что сильно ошибался.

Глава 3

Вандалы

На горизонте показались два судна, довольно быстро шедшие наперерез. Пираты их тоже заметили. И на шебеке, и на «торгаше» пираты из «старичков» взобрались на мачты.

Когда корабли сблизились настолько, что стали видны люди и детали судов, раздался тревожный крик:

– Вандалы!

Для двух пиратских судов одна пиратская шебека, да ещё с неполным экипажем, поскольку абордажная команда находилась на «купце», представляла лёгкую добычу. Кормчий шебеки это тоже понял. И если раньше, сопровождая торговый корабль, шебека шла на приспущенном парусе, то теперь прозвучала команда поднять его полностью. Кормчий решил бросить добычу и своих людей и спастись самому. Вода перед форштевнем вспенилась, и шебека стала удаляться.

Берберы рассчитывали, что вандалы набросятся на торговое судно. Однако как бы не так! Вандалы поняли, что «торгаш» никуда не денется, и кинулись догонять шебеку. Их корабли были крупнее, чем шебека, оба имели мачту и парус, а кроме того – гребные вёсла в один ряд, и в скорости не уступали шебеке.

Старший абордажной команды, Мислим, понял замысел вандалов. Он бросил рулевое весло и заметался по корме, ища выход. Потом вновь схватился за рулевое весло и заломил поворот:

– Перекинуть парус!

Теперь ветер дул с другого бока.

Мислим направил корабль напрямик на север, в сторону Римской империи. На их пути лежали многочисленные острова, самый крупный из которых – Сицилия. Мислим явно хотел дойти до островов, укрыться там.

Но торговое судно было тихоходным, и абордажники всё время с тревогой поглядывали назад, за корму.

Через продолжительное время, когда все успокоились и решили, что уже оторвались, на горизонте за кормой показались два паруса. Проклятье! Вандалы, расправившись с шебекой, гнались за ними.

А впереди был уже виден небольшой островок. Он медленно вырастал по мере приближения судна, как будто бы поднимался из воды. Теперь всё решали время и удача. Успеют пираты подойти к острову, укрыться в мелководной бухте, или их раньше настигнут вандалы?

Предводительствуемые своим вождём Гейзарихом, человеком маленького роста, хромым, скрытным и жадным до богатства, вандалы были кровожадны и жестоки. Зачастую они довольствовались трофейным судном и товарами на нём, убивая судовые команды и пассажиров – жестокость была у них в крови. Не зря же в 455 году, когда вандалы взяли Рим, приплыв туда на кораблях, они насильствовали римлянок, а также убили множество рабов и граждан Вечного города. Потом же, нагрузив суда трофеями, взяв только золота 400 тонн, они всё, что не могли погрузить, безжалостно разбили и сожгли. Их сердцам было чуждо понятие красоты созданных человеческими руками вещей, скульптур, картин.

Оторваться пиратам не удалось. Оба судна вандалов подошли к «торгашу» вплотную, с двух сторон и, не предлагая сдаться, сразу бросились на абордаж.

Но пираты-берберы не хотели продать свои жизни задёшево. На палубе торгового судна закипел бой. Сдавшихся и раненых врагов добивали, и палуба была завалена телами, залита кровью. Алексей успел заметить на мачте одного из судов вандалов висевшего в петле кормчего их бывшей шебеки. Стало быть, не ушли берберы, не успели. Судьба и остальных членов команды наверняка была трагичной.

Алексей отбивался вместе со всеми.

Вандалы хлынули на их корабль сразу с двух бортов, фактически разделив команду надвое. Теперь одна группа берберских абордажников дралась на носу, другая с Мислимом во главе – на корме. Вандалы были выше и крупнее арабов, италийцев и прочих абордажников. Бородатые, в кожаных доспехах, наверняка снятых с убитых римских воинов, они бились бесстрашно и яростно. Их было больше, и ряды защитников быстро таяли.

Алексей обернулся. Островок был относительно недалеко, с километр. Он ударил вандала саблей по обнажённой руке, отшвырнул саблю и через фальшборт бросился в море. Всё равно их на носу оставалось всего трое, и продержаться они смогли бы не более нескольких минут.

Он сразу нырнул, заработал руками и ногами, пытаясь под водой отплыть подальше. Хотя луков у вандалов Алексей не видел – да и кто на абордаж с луком идёт, когда предстоит биться на мечах и саблях, но он не исключал их наличия и стрелы вдогонку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/korchevskiy_yuriy/centurion

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)